

"Тайны холодных стен (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сергей Алексеевич Бергер

Тайны холодных стен

«Монстры реальны, привидения тоже. Они живут внутри нас и иногда берут верх».

Стивен Кинг

«Но знаете, счастье можно найти даже в тёмные времена, если не забывать обращаться к свету».

К/ф «Гарри Поттер и Узник Азкабана»

«Путь же беззаконных — как тьма; они не знают, обо что споткнутся».

Притч. IV, 14-19

Посвящаю эту книгу самому терпеливому и честному человеку, построившему фундамент Луэльского особняка — И.Б.

Глава 1 Плод ночной охоты

1968 год. Англия, город Карлайл.

На северо-западе Англии, практически на границе с Шотландией простирается небольшой индустриальный городок Карлайл, выросший среди многовековых сосен, угрюмо смотрящих в небо. Среди сосен, которые знали так много об этом мире. Но ничего не могли рассказать.

Днем город жил обычной жизнью — утренний зябкий воздух разрывался от звука соборного колокола. В это время жители вставали со своих кроватей, чтобы отправиться на работу. Основную часть горожан составляли рабочие с местной текстильной фабрики, фермера, рыночные торговцы. Отправляясь на работу, они будили город стуком ботинок, ударяющихся о каменные дорожки. Их встречали яркие солнечные лучи и запах свежей выпечки, который густым ароматным шлейфом проникал на главную площадь из местной пекарни.

Дочь пекаря, девочка двенадцати лет, наблюдала с интересом за рабочими, из окна пекарни, облокотившись на старый деревянный подоконник. Сегодня было прекрасное воскресное утро, потому все дети свободные от уроков бежали прочь от надзора и, вооружившись палками, сражались между собой в паре метров от центральной площади. Малышка слегка вздохнула, вспомнив ссору со своими подругами и потому, в свой выходной она вынуждена сидеть дома, помогая родителям.

— Папочка, я могу тебе помочь?

— Нет, Элли. Но если тебе уж так не хочется сидеть, сложа руки, то возьми в подвале корзину и отправляйся за грибами. Говорят, грибы полезли сильнее прежнего после вчерашнего дождя. — Полноватый пекарь дружелюбно улыбнулся, потеряв свои густые усы.

Элла кивнула и, оторвавшись от подоконника, отправилась в подвал, захватив коробок спичек. Деревянная дверь со скрипом отворилась, словно дав сварливым голосом согласие на вход. В подвале пахло сыростью и мукой. Девочка мужественно спускалась вниз, стараясь не рисовать в своих фантазиях монстров, что мог хранить темный подвал, который она едва освещала

зажженной спичкой. Огонек испуганно дрожал от дыхания девочки, пока она, наконец, не нашла старую плетеную корзину. Схватив ее, малышка скоро выбежала из подвала, боясь собственных шагов, которые сзади раздавались громогласным эхом.

— Какая же ты трусиха. — Пекарь увидел лицо девочки и рассмеялся. — Ты словно привидение там увидела. Хватит прохлаждаться, отправляйся в лес.

Слегка обидевшись, девочка потерла носик и вышла.

Повесив корзинку на руку, Элла прогулочным шагом, пошла сквозь торговые ряды. Торговцы что-то кричали, махали руками, зазывая к себе клиентов. На базаре было большое количество разных мясных продуктов, овощей, фруктов, одежды, домашней утвари. Девочка увлеченно рассматривала торговые ряды, напевая себе под нос одну из тех песенок, что пела ее мама, когда была еще жива. Дальше торговых рядов шли четырехэтажные дома, которые еще сотню метров преследовали Эллу своим стеклянным взглядом. Редко по дороге можно было встретить грязного бродягу, просящего милостыню, женщину с коляской, отправляющуюся на базар за продуктами или старуху, сварливо кричащую на мальчишек, веселящихся у подножья домов.

Совсем недалеко высился собор, распахнув добродушно свои двери перед прихожанами и монахами. Потрепанный временем, он стоял здесь, казалось, с начала времен. Но, тем не менее, не терял своей популярности с годами, а лишь приобретал ее. Словно люди не видели в жизни утешения большего, чем вера.

Элла вспоминала воскресные службы с легким недовольством и тоской. Недовольством сложившимся, из-за непонимания таинства, происходящего внутри. Она лишь знала, что это правильно. Так внушала её мать, и воспоминания о ней рождали в душе девочки тоску.

До конца дороги собор провожал девочку своей каменной башней с колоколом, что возвышалась над крышами домов, наблюдая за городом.

Вдали, за черепицами крыш, переливался яркой зеленью лес. Лучи солнца, сталкиваясь с листьями на деревьях, падали на землю мягким салатovým светом. Девочка вдохнула чистый воздух, в нем ощущался легкий запах хвои и прелой листвы, заставляя малышку вновь вспомнить раннее детство и походы в лес. В корзинке у Эллы лежал нож, которым следовало срезать гриб под самый корень, как ее учили. Она опустила чуть ниже и принялась исследовать листву, под которой прятались шляпки заветных грибов. Однако, словно какая — то неведомая сила поманила ее взгляд в сторону.

Там, чуть дальше леса виднелся дом. Он находился в двухстах метрах от леса. И, потому не требовалось усилий, чтобы рассмотреть его. Здание, подобно меловой горе, гордо выделялось на фоне леса. Словно хвастун, оно бесстыдно выпячивало свою грудь, обращая к себе всеобщее внимание, зазывая всю округу к себе на порог.

Городские легенды порождали прозвища для этого места: «Особняк Дракулы», «Замок Смерти» и прочие примитивные названия. Единственное, что объединяло все эти имена — это чувство панического страха. Это место, словно само хотело отгородиться от всех вокруг. Своим расположением, атмосферой, которой буквально был пропитан воздух. По городу ходили разные слухи:

Одни твердили, о присутствии там потусторонних сил, другие о псевдорелигиозных культах, прочие же говорили, что туда стекаются души всех погибших не своей смертью жителей города.

Сплетни порождала история одного из хозяев Луэльского особняка. Еще в тридцатых его обвинили в убийстве трех женщин. Сошедший с ума мужчина получал нездоровое удовольствие, всякий раз, когда слышал мольбы, издаваемые истязаемыми девушками. Объектами его вожделения часто становились блудницы, которых он приглашал к себе в гости. Впоследствии, вдоволь насытившись их мучениями и изнасиловав, изверг лишал их жизни. Последней из четырёх жертв, каким-то чудом удалось сбежать и доложить о происшествии, после чего Руфуса Макгроу поймали, судили и повесили. Эта история приобрела большую огласку в стране и со временем, видоизменившись, стала легендой. Набожные горожане до сих пор верят, что если слишком близко подойти к особняку, все еще можно услышать женский плач и мольбы о помощи.

И именно этот дом сейчас неотвратимо притягивал Эллу к себе в сети, подобно сиренам, заманивающим к себе моряков, зазывая своими песнями. Она шла как под гипнозом, ноги сами вели ее к белому великану. С приближением, он казался все больше и больше. Музыка в ее голове вела ее до тех пор, пока не прервалась хрустом сухой ветки под ботинком. Кроны деревьев оживились, и черные вороны, засидевшиеся на своих удобных сучьях, в панике разлетелись в разные стороны, издавая раздраженное карканье. Девочка опустила глаза и истошно закричала, да так, что уже не было слышно ворон. Прямо у ног лежал человек, глазницы его были пусты, и полости заполняли лишь трупные черви, копошащиеся и сплетающиеся между собой, поедая остатки тлеющей плоти, которая издавала омерзительный запах, сравнимый, разве что, со сточными водами. Тело лежало, распластавшись на земле, наполовину покрытое гнилой листвой. На лице застыла гримаса обреченного ужаса. Девочка заплакала, судорожно оглядываясь по сторонам, и выронила корзинку. Та упала, прямо у руки мертвого человека и она приподнялась, пытаясь схватиться за корзину, полусгнившими пальцами. Точь-в-точь как утопающие хватаются за спасательный круг.

Девочка замерла, дыхание остановилось вместе с ней. Ноги ее стали ватными, они подкосились, уронив бедняжку на землю. Сознание помутнело, застелив глаза темной пеленой, сквозь которую было лишь слышно ее имя. «Элла! Элла!»

Глава 2 Радужный прием

1970 год.

Кобб стоял у окна своего кабинета. Из него открывался потрясающий вид на осенний лес, который постепенно окрашивался в красно-желтые тона. Неподвластными изменениям оставались лишь сосны, которые из года в год не теряли своей манящей изумрудной одежды.

В самом кабинете царил полумрак, что слегка рассеивал свет черных свечей на рабочем столе Альфреда, да лучи осеннего солнца, рыжим пламенем врывающиеся в покои.

* * *

Негромко напевал тоскливую мелодию граммофон, стоявший прямо напротив большого книжного шкафа, который закрывал собой всю стену, начиная от двери в кабинет, заканчивая окном с черными рамами и сероватыми шторами.

В этом шкафу было огромное количество книг, привезённых с разных уголков Земного шара. Казалось, что даже самый привередливый читатель мог бы там найти то, что было бы ему по душе, стоит лишь пару минут побродить по комнате, исследуя книжные корешки.

Со стороны входной двери послышался скрип, какой обычно слышен от старых дверных петель,

которые уже много лет не смазывали. Хозяин не шелохнулся.

Он был погружен в тяжелые думы, которые унесли его куда-то далеко от этого проклятого места.

— Милорд, к вам посетитель. — Послышался старческий голос.

Альфред спокойно кивнул, не отрывая взгляда от увядающего леса.

— Извините. — Робко прозвучал мужской голос, с интонацией юнца, укравшего пару яблок у злого соседа, и пойманного с поличным.

Хозяин медленно повернулся к гостю. Альфред был ужасно подавлен тем, что его извлекли из чудесных темных грез. Мужчина поправил свои очки и вопросительно посмотрел на молодого человека. Перед ним стоял парень лет двадцати. На нем были ветхие одежды, стертые от старости, но с заботливо пришитыми заплатками.

— Да?

— Я бы хотел узнать о вашем решении. По поводу моей работы у вас. — Юнец покорно опустил глаза.

Граф задумался, очевидно, вспоминая свой небольшой монолог, который он составил перед встречей с ним:

- Говард, я долго думал о нашей с тобой ситуации. Я безумно уважаю твою маму, и это единственный аргумент, почему я беру тебя к себе на работу. Она сослужила мне прекрасную службу в качестве экономки. И я скорблю вместе с тобой, мой мальчик.

Я видел, как ты рос, как ты из маленького и боязливого паренька превратился в мужчину. Мне видны твои таланты почти насквозь. — Последнее слово заставило мурашки на спине Говарда резко мигрировать по всему телу. — У тебя огромный потенциал. Потому, ты уже с завтрашнего дня можешь отправиться к нашему дворецкому Лукасу. Он тебе расскажет о правилах моего дома, о том, в чем будет заключаться твоя работа и что входит в твои обязанности. С этих пор ты его ученик. Надеюсь, ты оправдаешь мои ожидания.

— Да, Господин, я непременно буду стараться. — Голос парня начал срываться из-за нахлынувшего на него волнения.

— Хорошего тебе дня. Отправляйся к себе в комнату, которую мы тебе выделили. И отдохни.

Парень поклонился и молча вышел из кабинета, оставив хозяина особняка вновь наедине со своими мыслями.

Кобб вновь подошел к окну и замер:

«Что может быть печальнее картины увядания природы? Разве что наблюдать, как стареет человек. Ведь природа может возрождаться вновь и вновь, а человек лишен такого дара. Это лишний раз доказывает, что она нам не по зубам. И подтверждает свое всемогущество каждый раз, когда мы начинаем играть с ней».

На улице заморосил слабый дождик, постепенно усиливаясь, а затем и вовсе превращаясь в ливень. Мужчина достал свою трубку из внутреннего кармана пиджака, забил ее табаком и

прикурил. Наконец-то, в радиусе двадцати метров воцарилась тишина — ливень утих, и теперь можно было просто насладиться табачным дымом, смотря на увядающие розы. Они окантовывали тропинку, ведя человека прямо к парадной двери. Черные, красные, желтые, белые. У них явно был какой-то шарм. Они манили своей изысканностью и элегантностью.

Граф поднял свой задумчивый взгляд, увидев какое-то движение на горизонте. Прямо из города, в сторону его особняка направлялся, блестя на освободившемся от ливневого рабства солнце, подержанный Allard L 1948 года выпуска. Альфред не мог разглядеть человека, едущего в машине, как бы он не старался.

Его сердце бешено забилося. Он еще раз вдохнул дым, и затем повернулся к зеркалу, чтобы убедиться, что он выглядит подобающе. Очевидно, это были незваные гости. Стараясь подавить волнение, мужчина попытался улыбнуться своему отражению. Да, он был безупречен, впрочем, как всегда. Альфред поправил свои каштановые волосы и осмотрел внимательнее свое лицо. На нем не было и следа морщин, даже не смотря на то, что ему было уже сорок лет. Хотя, ему столько никто не давал. Не более двадцати пяти. В карих хитрых глазах горел едва заметный огонек, который время от времени мог превращаться в настоящий пожар.

Его скулы, подобные у представителей «голубых» кровей, выделяла легкая небритость. Одет он был по последней моде, как и подобает людям его статуса:

Черные лакированные туфли, настолько хорошо начищенные, что лучи осеннего солнца, отражаясь от них, оставляли на стене «солнечных зайчиков».

Серая рубашка, из дорогой ткани, которая была ему ровно по размеру с черной жилеткой и брюками.

Мужчина носил круглые очки с толстой темной оправой.

Кобб положил трубку на подставку, что стояла у окна, и стремительно вышел из своего кабинета. По дороге к парадному входу он успел перебрать кучу вариантов развития событий. Альфред еще пару недель не ожидал гостей. Отчего подобный визит вызвал в его сердце маленькое землетрясение.

* * *

Путь его проходил через коридор, чье великолепие, как впрочем, и великолепие всего дома, вызывало у нечастых гостей бурю эмоций. Чаше всего зависть.

На окнах витражи, изображающие мифы древних греков. Стекла окантовывали узоры позолоченных барельефов, прямо на установленных рамах. По углам стояли округлые гранитные колонны, а под ногами кровавой рекой расстилался бордовый ковер.

Когда, наконец, хозяин особняка оказался на парадной лестнице, открылись тяжелые, дубовые двери и яркие лучи солнца пронзили копиями застоявшийся полумрак. Альфред прикрыл лицо рукой, защищаясь от слепящего света. Огромные подвесные часы за его спиной принялись отбивать полдень.

Кобб убрал руку от лица, и увидел обеспокоенного дворецкого, рядом с которым стоял незнакомый ему мужчина. Он был среднего роста, с короткими черными волосами, едва выглядывавшими из-под его серой шляпы. Образ серьезного человека завершало серое длинное пальто и белая рубашка с черным галстуком. Его тяжелый взгляд был способен прожечь плотный лист пергамента. И сейчас этот взгляд был направлен на графа.

— Чем могу помочь?

— Я детектив Скотленд-Ярда. Меня зовут Гарри Франциск Ренделл. Мне необходимо с вами поговорить.

— Что привело в мой дом сыщика? Неужели я в чем-то провинился?

— Нет, мне нужно задать вам пару вопросов.

— Тогда прошу за мной, офицер. — Сказал раздраженно Альфред и, развернувшись, направился назад в свой кабинет.

Гарри передал ключи дворецкому, чтобы тот припарковал его автомобиль. А граф вдогонку попросил его принести чай в кабинет. Тот поклонился и покорно отправился на улицу.

Детектив спокойно проследовал за графом. Как только они оказались в комнате, хозяин уселся на свое место за столом и отодвинул свои деловые бумаги в сторону. Ренделл сел напротив.

— Ну. Я весь во внимании.

— Милорд, при всем моем уважении к вам, у меня не самые хорошие новости.

Альфред посмотрел изумленно на детектива, скрестив руки в замок. Перстни на его руках слегка поблескивали.

— Я приехал из Дарлингтона, и веду расследование по череде убийств, что происходили в Карлайле в течение нескольких лет. И выяснял, по какой причине умалчивалось об этих зверствах. Уже порядка двух месяцев ведется сбор улик, я общаюсь с жителями города. Все ниточки, что связывали эти убийства, ведут по земляной дороге прямо в ваш особняк. — Мужчина, не отрываясь, смотрел в глаза графу, цитируя эти факты. — Почерк один и тот же: жертв находили в лесу, на них была порвана одежда, и отсутствовали некоторые конечности. Реже — глаза, веки, губы.

— И вы подозреваете меня?

- Нет, милорд. Но определенно, убийца находится в этом доме.

В это время постучал в дверь дворецкий. После позволения графа он вошел, сверкая столовыми приборами, лежащими на подносе. Кобб кивнул и увидел скептическое выражение лица Гарри, в то время, пока Лукас разливал чай.

— Вы, правда, думаете, что мне есть смысл вас травить? Портить себе репутацию, травя детективов... — Он звонко рассмеялся. — Если у меня есть шанс доказать хотя бы свою невиновность, это уже замечательно.

Гарри задумчиво коснулся подбородка.

- К вам уже приходила полиция?

— Да, ко мне приходили люди в форме. Месяц назад. Они просто со мной побеседовали и ушли, я отказался пускать их в свои владения. Я слишком трепетно отношусь к своему дому.

За дверью кабинета послышалось какое-то движение. Дверь слегка, с легким скрипом

приоткрылась, и оттуда показалось напуганное детское личико.

— Папочка? Что произошло? Кто это? — Мальчик смотрел на детектива своими большими голубыми глазами.

— Это по папиным делам пришли. Вы уже закончили со Стефани? Как твои успехи в математике?

— Все хорошо, папочка. — Мальчик улыбнулся и хитро прищурил глазки. — Ладно, я побежал играть.

И мальчик исчез, закрыв за собой дверь.

— У вас очень милый сын, мистер Кобб. — Заметил Гарри.

— Его зовут Филоксен.

— Весьма необычное имя. Так, на чем мы с вами остановились? Я знаю, вам будет нелегко вспоминать то тяжелое время. Но все же расскажите о вашей жене. Маргарет Кобб. — Детектив посмотрел прямо в глаза Альфреду.

— Что тут рассказывать? Урожденная Маргарет Макгроу, была замечательной женщиной. Очень мягкая, чуткая. Но в то же время она была суровой и справедливой. Словно была рождена в королевской семье, она имела все те качества, чтобы быть ближе к обычным людям, но, тем не менее, не переходя черту. Оставаясь на троне. Настоящая королева. После рождения Филадельфии, она две недели находилась в жуткой депрессии. Ничего не ела, ни с кем не разговаривала. И однажды я уехал по своим делам в Лондон. Когда же я вернулся, я узнал страшную новость. Что ее нашли, повешенной на люстре. — На глаза Альфреда навернулись слезы. — Нашли ее в спальне. Ни прощальной записки, ни какого-либо еще намека. Словно ей нечего было нам сказать... — Альфреда потряхивало от нахлынувших на него эмоций. — Тогда мне было выдвинуто обвинение в доведении до самоубийства. По чьей-то анонимной записке в полицию. Но, опять же, ввиду недостатка улик, меня отпустили. Дело было закрыто, а мою жену отметили клеймом самоубийцы. С тех пор тут стали происходить странные вещи. В это время возле моего дома стали вновь находить убитых людей. У всех убийств одинаковый почерк — жертвы как будто были подраны голодной псиной. Словно это призрак Маргарет мстит горожанам за те разговоры, слухи, что они о ней распускали.

— Разговоры о том, что это она убила своего отца, чтобы разбогатеть? Гм, вы и вправду верите в призраков? Или вы думаете, что я один из местных, которого можно напугать рассказами о духах, гоблинах и прочей нечисти? Пока что я в здравом уме. И не собираюсь выносить обвинение мифическому призраку. — Гарри попытался охладить свой пыл и перевел взгляд в окно — солнце уже садилось. «Как странно быстро здесь идет время».

— А вы это сделаете. Рано или поздно. Я дам вам убедиться, что ваши гипотезы неверны. И мой вам совет — верьте глазам и поменьше мозгу. Тут все не так, как в остальном мире. А сейчас, у меня много дел, я бы попросил вас выйти. Лукас заселит вас в вашу комнату, которая станет на некоторое время вашим новым домом. И не удивляйтесь, что я позволяю вам остаться. Все же я устал от вечных обвинений. Могу разок и потерпеть постороннего в особняке.

— Интересно. Я думал, что вы меня будете выгонять, словно вшивую собаку.

— Нет, находиться здесь это гораздо хуже. В этом доме живет тьма и ее дети. И я хочу, чтобы вы с ними познакомились. — Кобб указал на дверь. Гарри поблагодарил графа за беседу и

вышел из кабинета. Альфред же просто кивнул, даже не стремясь проводить взглядом нового жильца. За дверью же его уже ожидал Лукас.

— Сэр, проследуйте за мной. — Лукас передал ключи от машины Гарри.

Они направились в сторону парадной лестницы. Детектив отключил диктофон, который работал на протяжении всего разговора с графом Коббом. Мужчины направились в параллельное, левое крыло. Еще не доходя до самой парадной лестницы, детектив услышал прекрасную музыку, доносящуюся из левого крыла первого этажа. Здесь были слышны звуки фортепиано, скрипки, арфы, кларнета, саксофона. Они, подобно разноцветным ручьям, соединялись в бесконечный радужный поток, ласкающий слух.

— Откуда играет музыка? — Спросил вдохновленный Ренделл.

— Из бального зала. Хозяин падок на балы, которые он устраивал ежегодно. И это будет первый за многогодовое затишье.

— С чем связано было затишье?

— Извините, офицер. Я не имею ни малейшего права рассказывать вам о жизни своего хозяина. Если вам будет интересно и хозяин посчитает уместным рассказать вам, то он это сделает.

Они проследовали до библиотеки, что находилась за обычной дверью, такой же, какая вела в кабинет графа. Помещение было выполнено как небольшой лабиринт, состоящий из книжных полок, который образовывался вокруг винтовой лестницы, ведущей на третий этаж. При этом, на входе в данный лабиринт по обе стороны были расставлены книги в алфавитном порядке, от «А» до «Z». Последнюю букву можно было наблюдать уже у лестницы. Детектив немного побродил по библиотеке, рассматривая корешки книг. Многие из них были старыми и потертыми, но при этом на них совсем не было пыли. Определенно, хозяин очень любит эту библиотеку, и уделяет многовековой коллекции должное внимание.

Наконец, добравшись до винтовой лестницы, они поднялись наверх и, вскоре, оказались на третьем этаже.

По меньшей мере, двадцать дубовых дверей были разбросаны по обеим стенам коридора. Лукас проводил Гарри к самой дальней справа.

Они дошли до комнаты. Дверь распахнулась, и Гарри вошел, принявшись рассматривать своё новое временное жилище. Это было довольно просторное помещение с двуспальной кроватью с перьевыми подушками и шелковыми простынями белого цвета. Около кровати стоял невысокий журнальный столик с будильником. У зашторенного алыми шторами окна стояло черное кожаное кресло, и рядом с ним столик с пустой железной пепельницей. По другой стороне стены стояли книжные полки, виниловый проигрыватель. Под потолком висела красивая люстра, выполненная, очевидно, каким-нибудь талантливым кузнецом по индивидуальному заказу. Из металла были выкованы шипастые большие, красивые голландские розы. Вместо бутона там находилась лампочка.

Недалеко от столика и кресла находилась еще одна дверь, ведущая в ванную комнату с туалетом.

Лукас удалился, оставив Гарри наедине со своими тяжелыми мыслями. Он разделся, повесил на вешалку около выхода свою шляпу, пальто. Мужчина присел на кресло, и, проведя руками

по коротким волосам, тяжело вздохнул. Он развел в разные стороны шторы и принялся наблюдать за пейзажем: ему был виден лес, который постепенно, словно смакуя, пожирали сумерки.

«Сколько же мы с ним разговаривали? Я ведь приехал в полдень». Он и вправду не заметил, как пролетело время. Мужчина взглянул на будильник и опешил — на часах было шесть часов вечера. «Этому месту явно плевать на время».

Ренделл встал со своего места и медленно направился в ванную комнату, чтобы освежиться. Лицо детектива было вялым и уставшим. Он открыл холодную воду и принялся умываться. Несмотря на то, что он не верит в различного рода мистику, тем не менее, его неприятно насторожил рассказ графа об этом месте. Все же за всю свою карьеру он видел много разных вещей, но они никогда не совершались мистическими сущностями.

Холодная вода приятно пощипывала веки. Когда же мужчина открыл глаза и поднял взгляд на зеркало, он вздрогнул, издав немой вскрик. Сзади него находился какой-то темный силуэт. Гарри резко обернулся, и фигура заговорила с ним:

— Извините, мистер Ренделл. Я не хотел вас напугать, вы, видимо не слышали, как я стучал. Граф Альфред Кобб просит вас к ужину. — Лукас поклонился и вышел из ванной комнаты.

Гарри тяжело дышал, схватившись за сердце. Оно билось словно бешеное от нахлынувшего на него адреналина. Делать было нечего, мужчина обтер лицо и вышел из ванной. В комнате его все еще ожидал дворецкий. Они молча вышли из комнаты.

— Зачем нужно было меня пугать? — Задыхаясь, спросил дворецкого Гарри.

— Я же говорил, что я стучался и звал вас. Потом решил зайти, заподозрив неладное. Если вам будет угодно, такого более не повторится. — Голос его был холоден и монотонен. Напоминал, скорее молитву, чем ответ на вопрос. Ренделл поджал губы, и молча проследовал в другое крыло на первом этаже. Сверху больше не было слышно играющей музыки, которая давала хоть какое-то тепло этим стенам. Теперь угнетало буквально все. Коридор с правой стороны был гораздо шире и имел два выхода — один выходил, очевидно, на улицу. На нем висел большой навесной замок.

Также была дверь в самом конце коридора. По пути к ней, можно было встретить целую галерею из картин, развешанных по стенам. Тут стояли древние дорогие вазы на постаментах, скульптуры времен античности. Гарри и Лукас прошли до двери, что была в конце.

— На улице идет дождь? — Гарри услышал звуки падающей воды, чуть правее от себя.

— Нет, сэр.

Как только эта дверь открылась, Франциск обомлел. Там находился просторный банкетный зал, погруженный в полумрак.

— Детектив! Доброго вам вечера! Присаживайтесь, Лукас говорит, что сегодня повара приготовили что-то ну очень вкусное.

— Добрый вечер, мистер Кобб. — С ноткой холода в голосе произнес Гарри и сел поближе к хозяину. Воцарилось неловкое молчание. Ренделл абсолютно не знал, с чего начать разговор. Требовалось сделать его максимально непринужденным, чтобы это не выглядело как допрос.

Стоило Гарри только открыть рот, как двери в трапезную распахнулись, и в комнату вошел сын графа — Фил. Это был пухленький девятилетний мальчик. У него были короткие светлые волосы, круглые щеки и большие голубые глаза. Мальчуган, очевидно, был чем-то очень сильно опечален. Его большие глаза были опущены, а лицо бледное и уставшее.

— Что такое мой дорогой? — Обеспокоенно спросил Альфред.

— Я ужасно голоден. — Тоскливо ответил Филоксен насколько можно жалобным тоном. Он чуть ли не плакал. Мальчик погладил свой живот и тот громко заурчал.

— Сейчас принесут ужин, погоди немного. — Кобб счастливо улыбнулся и потрепал малыша за его белокурые волосы. Парень немного зарядился бодростью и, улыбнувшись, сел в другом конце стола. Граф поднял голову к потолку и хлопнул два раза в ладоши, отчего включился свет на огромной люстре прямо над столом. Осветив собой всю трапезную и слегка ослепив детектива своим ярким светом.

Альфред искоса глянул на моргающего Гарри и ехидно спросил:

— Правда, красиво?

— Да, я уже мечтал о том, чтобы увидеть яркий свет. У вас в доме так темно, что можно подумать, что вы вампир. И не зря ходят слухи вокруг вашего дома. — Гарри подхватил ехидную нотку в голосе и слегка оживился.

— Люди глупы. Они ищут ответы, только опираясь на свое зрение, слух, запахи, редко на опыт. Из-за чего они часто ошибаются. На самом деле я не вампир. Тьма мудра и задумчива. Она помогает мечтать и мыслить. Нет никого могущественней, хитрее и умнее тьмы. — Задумчиво изрек Альфред. — Я всю жизнь был мечтателем. Только во тьме я нахожу вдохновение.

Кобб посмотрел на детектива и обнажил в загадочной улыбке свои ровные белые зубы.

Наконец прибыл ужин. Лукас привез на тележке огромное количество блюд.

— Мы еще ждем кого-то? — Спросил Франциск.

— Нет, с чего вы взяли?

— Ну, тут еды, словно на банкет. Мы втроем не съедим столько.

В ответ послышалось только молчание. Дворецкий сервировал стол и принялся раскладывать блюда. Здесь были: запеченный поросенок, индейка, курица, салаты. Через некоторое время на столе стояла бутылка виски и томатный сок для Фила.

— Всем приятного аппетита. — Торжественно изрек хозяин. Его сын и детектив поблагодарили хозяина.

Гарри не привык к такому большому количеству еды. Его семья всегда питалась по минимуму. Ни сколько от недостатка денег, сколько из соображений эстетики. Или возможно, у него с самого детства сохранилась эта привычка. Потому, данная картина вызывала у него некоторое отвращение к хозяину, который набивал свое брюхо и, очевидно, пытался довести своего сына до скотского состояния. По самому же графу не было видно, что он поедает такое большое количество пищи, а вот его сын явно страдал от ожирения. При ярком свете лампы можно было увидеть его прыщики и рубцы, не свойственные в этом возрасте. Мальчик поедал все со

стола, практически не жуя. И запивал все огромным количеством сока. Детектив слегка повел носом.

— Это не мое дело, но вам не кажется, что вашему сыну нужно уделить внимание правильному питанию? Мальчик совсем маленький, а вы его пичкаете едой.

— А мне кажется, что мы сами можем со всем разобраться. Если бы он не хотел, он бы не ел. Оставьте в покое ребенка. Пусть кушает. — Немного возмущенным тоном сказал граф.

Лукас все еще раскладывал пищу. И его потряхивало каждый раз, когда он подходил к Альфреду. Было видно, что он его боится. Казалось, что этот мужчина, уважаемый граф Кобб самый настоящий изверг. Когда же дворецкий вышел, разговоры стихли, и вновь наступило неловкое молчание, изредка прерываемое чавканьем мальчугана.

— Я слышал прекрасную музыку, пока меня провожали до комнаты. У нас планируется какое-то мероприятие?

— Через две недели у моего сына день рождения. Я долгое время не решался устроить что-то подобное. Я был в трауре после смерти жены. Хотя, она любила проводить время подобным образом.

— А вас она любила? — Задал вопрос «в лоб» Ренделл. И даже сам удивился своей дерзости.

— Больше жизни. Она никого так не любила как меня. И это я знал точно. Жаль, что нам удалось недолго прожить в качестве мужа и жены.

— Сколько прожила ваша жена после свадьбы? — Гарри ощутил по грустному тону графа, что у него начинает развязываться язык. Тем более после пары стаканов крепкого виски.

— Чуть менее, чем полгода. Потрясающая была женщина. Потрясающая. — Слезинка еле заметно выскользнула из его глаза.

«Он говорит убедительно. Наверняка, для него действительно эта женщина многое значила» — взял на заметку Ренделл.

— У вашей жены были еще родственники?

— Да, у нее еще есть мачеха и сводная сестра. Я их никогда не видел и для меня до сих пор загадка, почему у них нет прав на этот особняк. Меня этот факт особо не волновал, до тех пор, пока вокруг дома не стали происходить убийства. В моей голове были подозрения, что это все они делали. Чертово, чертово...

Кобб ухмыльнулся и налил себе в бокал еще немного коньяка. Мужчина отхлебнул из него и потер свое покрасневшее лицо.

— ...Наследство. — Альфред вновь выдержал небольшую паузу, после чего продолжил. — Семья моей покойной дражайшей жены всегда считали меня недостойным для нее мужем. Да и все, что осталось после ее смерти, передалось в мое владение. Семью свою она не любила, и презирала. Да и они ее не особо уважали, и прониклись большим горем и скорбью только после ее кончины. Мачеха ее, та еще стерва — вообще предлагала отцу отправить Маргарет в школу-интернат, чтобы не видеть ее. Во всяком случае, так мне рассказывала жена.

Потому, я так и боюсь. Мной была сооружена целая охранная система, для защиты меня и

сына. Только мы отделяем их от заветного наследства.

— А вы не думаете, что ваш рассказ наталкивает на мысль, что у вас есть мотив к убийству жены?

— Нет. По сути, я вложил большую часть своих средств на содержание этого места. До меня оно находилось в упадке. А сейчас процветает. Осталось лишь избавиться от дурной славы. Но, ввиду всех событий и вашего присутствия, это случится не скоро.

Гарри оглянулся и понял, что Фил уже исчез.

— Вы не переживаете за своего сына? Из-за преступлений и жестокости, что происходит у вас под носом, уважаемый граф...я бы переживал.

— Филоксен не покидает территорию. К тому же, за ним следит его учитель и вся прислуга. Он спокойно сидит днями у себя в комнате, играет с игрушечной железной дорогой. В полной безопасности.

— Хм, ну хорошо. Он спрашивал о том, где его мать?

— Никогда. Я сам считаю это странным, но думаю, ввиду отсутствия коммуникации с внешним миром, у него не должны появляться подобные вопросы. Хотя, возможно, слыша разговоры в доме, он уже мог давным-давно все понять. Вы будете есть?

— Нет, сэр. Благодарю вас, я не голоден.

Кобб разочарованно пожал плечами.

— Знаете, самое страшное в жизни, как мне кажется, это предательство. Ни столько в том виде, в каком его ощутил Гай Юлий Цезарь, а сколько душевно. На ментальном уровне.

Гарри лишь кивнул.

— Откуда я могу позвонить в Дарлингтон?

— Явно не из этого особняка. Все хозяева до меня поголовно были против телефонных линий, которые должны были соединять их с внешним миром. Здесь правила отшельники. Поэтому, ближайший телефонный аппарат находится на заправке, на окраине города. Вы же не собираетесь сейчас выйти за пределы дома и поехать туда?

— Мне нужно совершить звонок в участок. Поэтому, я, пожалуй, поеду.

— Нет, мистер Ренделл. Уже темно на улице, я бы вам этого делать не советовал. Ночь, не самое лучшее время, чтобы выходить на улицу и уж тем более, чтобы кого-нибудь тревожить.

— Вы правы, но сделать это я обязан. Я обещал.

— Ну, воля ваша.

Детектив тяжело вздохнул. Вся эта атмосфера вливалась в его душу тяжелую тоску, непосильным грузом осевшую где-то в легких. Величие, раскрывающееся только в ночи, эта пустота. И огромное пространство, в котором легко потеряться человеку, прожившему половину жизни в двухкомнатной квартире в Дарлингтоне. Ноги сами вели его прочь из дома.

Чтобы насладиться ночной тишиной провинциального города.

Глава 3 Первое предупреждение

Гарри ехал в своем автомобиле на заправочную станцию в северной части поселения. Город в это время суток опустел, и о жизни здесь свидетельствовали лишь горящие огни в домах горожан. В машине витал лёгкий запах табака и лавандового масла, что детектив распырил по салону автомобиля в надежде, что уйдет неприятный запах. По радио играла музыка, которую было тяжело разобрать из-за помех. Allard слегка шатало на ухабистой дороге, ко всему прочему начал моросить дождь. Детектив нервно замычал, включая дворники. Они монотонно задвигались по лобовому стеклу, словно метроном, погружая Гарри в сон.

Когда автомобиль Ренделла затормозил у той самой заправки, которая была указана на карте, дождь усилился. Громко хлопнув дверью, детектив вышел из машины и огляделся, подняв воротник плаща, спасаясь от брызг дождя. Около заправки стоял небольшой магазинчик продуктов, с яркой белой вывеской. На тротуаре возле самой стены здания лежал бородатый бродяга в толстой зимней куртке. Гарри тяжело вздохнул, посмотрев на мужчину. У него что-то стало переворачиваться внутри. Детективу всегда было тяжело осознавать, что, несмотря на то, что ему каждый день приходилось видеть страшные, даже порой ужасные вещи, его душа содрогалась от сострадания к людям. В этот миг бродяга поднял голову и посмотрел одним глазом прямо в лицо мужчине. Некоторое время они просто смотрели друг на друга, не отрываясь. Лицо Ренделла немного онемело от холодного дождя, что щедро заливал его, пока, наконец, бродяга не улыбнулся. Он обнажил свои гнилые, желтые зубы. Некоторые из них уже были похожи на уголь, другие же, просто отсутствовали. И он махал ему рукой, словно старый знакомый, которого видел буквально пару дней назад.

Вспомнив о цели своего приезда, Гарри развернулся в сторону телефонной будки, напротив которой припарковался. Кинув десять пенсов в автомат, детектив принялся набирать телефонный номер, все еще не сводя взгляда с мужчины, что все также безмятежно ему улыбался, и размахивал рукой.

Из трубки доносились протяжные гудки, казалось, им не было конца. Детектива немного потряхивало. Он не мог понять причину — волнение перед разговором с начальством или его немного настораживало поведение бородатого сумасшедшего.

— Алло, мистер Уолш, вас слушает. — Раздался уставший голос в трубке. Гарри облегченно вздохнул и опустил свой взгляд на телефонный аппарат.

— Это Гарри Ренделл, мистер Уолш. Я пообщался с графом. Он предоставил мне комнату в своём доме.

— Удалось что-нибудь выяснить?

— Некоторые подробности его жизни, пока что. Но это мне пока ничего не дает. Известно лишь, что его брак с Маргарет Макгроу был оформлен с целью получения мистером Коббом графского титула. Альфред Кобб утверждает, что все эти убийства могли быть совершены его погибшей женой. И я, как думаю и вы, скептически отношусь к данной версии происходящего. Гораздо интереснее складывается его рассказ о родственниках Маргарет.

— Каких еще родственников? Хелена Макгроу давно покинула этот мир, а о второй жене и дочери мистера Макгроу ничего неизвестно. Но, думаю, стоит этим заняться. Вы опросили остальных обитателей его владений?

— Нет, я приехал в полдень и успел только расположиться.

— Поспешите с этим, мистер Ренделл. А я завтра займусь поиском информации о Макгроу в архивах. Позвоните мне, когда еще что-нибудь всплывёт.

— Хорошо, мистер Уолш. Доброй ночи.

Гарри положил трубку и бросил взгляд вновь на магазинчик, но бродяги там уже не было. В телефонной будке воцарилась тишина, прерываемая трелью ударяющихся капель дождя о стеклянные стены. Оглушительный удар раздался за спиной детектива, отчего он резко обернулся. Бродяга стоял у закрытой двери кабинки и смотрел на детектива, на его левом глазу сверкнуло бельмо. Ренделл облегченно вздохнул, хватаясь за сердце. Он приоткрыл дверь кабинки и попытался выйти, но бездомный упал к его ногам.

— Ты вернулся! Ты вернулся! Ворон! — Бродяга принялся громко кашлять, задыхаясь, после собственных воплей. — Ты пришел! Мы ждали тебя так долго!

— Извините, я очень спешу. — Гарри попытался обойти бродягу, но тот схватился за его брюки своими запачканными в грязи ладонями.

— Не уходи! Ты нам нужен!

Детектив не знал, что ему делать. Обезумевший бездомный намертво вцепился в его ногу. Попытки вырваться из его объятий потерпели фиаско. В конце концов, Гарри второй ногой оттолкнул надоедливый груз. Безумец тут же отпустил его ногу, смотря с дикой досадой на своего обидчика. Детектив бросил взгляд на запачканные брюки, сел в автомобиль и завел его.

Бездомный поднялся и подошел к автомобилю, постучав тыльной стороной ладони по стеклу, оставляя грязные пятна. Раздраженный детектив опустил стекло и посмотрел угрожающе на бродягу. С лица того словно ластиком стёрли улыбку, от безумной гримасы не осталось и следа.

— Я бы не возвращался туда на твоём месте.

Гарри опешил, услышав его спокойный тон.

— Что, что ты сказал?

— Уезжай прямо сейчас. Пока в тебе еще есть что-то человеческое. Побереги свою душу.

Сбитый с толку, детектив поднял стекло и тронулся с места, отправляясь назад, в старый фамильный особняк. Его голову разрывали мысли и сомнения в правдивости слов свихнувшегося бездомного. Гарри снял свою промокшую насквозь шляпу и посмотрел в зеркало заднего вида. Вся эта ситуация немного его напрягала, отчего обострилась его мания преследования. Но убедившись, что сзади никого нет, он немного расслабился.

Звуки радио постепенно превратились в сплошные помехи, и Гарри на ходу попробовал настроить радиостанцию. Шум то утихал, то усиливался, пока по салону оглушительным криком не разнеслось пение женщины. Детектив попытался отрегулировать громкость, и вновь бросил взгляд в зеркало заднего вида. Заметив на заднем сидении темный силуэт, мужчина резко нажал на тормоз, но обернувшись, Гарри обнаружил себя в полном одиночестве. Он тяжело вздохнул и ударил себя по щекам, чтобы взбодриться.

«Мне срочно нужен сон. Немедленно». Держа эту мысль в голове, детектив благополучно добрался до особняка. Его встретили охранники, которые вызвали дворецкого. Добравшись до комнаты, Гарри разделся и повесил свою одежду на крючок возле входной двери. Все его тело ныло от слабости, и, поддавшись этому чувству, Ренделл лег в кровать. Мельком глянув на часы, попытался уснуть. Время было два часа две минуты после полуночи.

Глава 4 Призраки прошлого

- Опять. Ещё один чертов день в этой школе. Я больше не могу так. Каждый день как в аду! Я не хочу больше там появляться, мне там плохо. — Гарри тихо бормотал себе под нос, утирая слезы на щеках. Из открытого окна веяло холодом, и мальчик подошел к нему, чтобы закрыть.

Через пятнадцать минут уже нужно было выходить на занятия, а он все еще не был одет. Ему хотелось все бросить и сбежать куда угодно, прочь из этого города, и из этой проклятой школы, наполненной до краев желчью. Но чувство долга перед родителями заставляла его каждый раз переступать через себя, погружаясь с головой в этот кислотный омут. Они упорно работали, чтобы оплатить его обучение в одной из лучших школ города, так как хотели достойного будущего для своего сына. Гарри ценил это и потому терпел издевательства в школе со стороны не только отпрысков богатых родителей, но и учителей, что так привыкли жить на «пожертвования» тех же родителей. Потому, Гарри Ренделл, живший в небогатой семье считался белой вороной. Ему часто ставили в пример других детей, которые имели возможность подкупать учителей. Также мальчик часто терпел побои от одноклассников. Как бы он ни старался дать им отпор, все же их было больше. И, в конце концов, воля Гарри была сломлена, и он стал превращаться в нечто, похожее на бесчувственного робота. Мальчик прятал от родителей синяки, стараясь не проявлять слабость. Его единственным утешением оставалась вера. Молясь, он словно обращался к всемогущему другу, который мог бы помочь ему в решении всех проблем, или хотя бы дать совет. В те моменты он клялся самому себе, что даже если он добьется успеха и будет получать за свою работу большие деньги, то все равно он не опустится до уровня этих людей, считающих всех, кто беднее их, отбросами общества.

Окончив школу, Гарри поступил в Академию Полиции, а позже он познакомился со своей будущей женой — Сарой. Дела пошли в гору. Мужчина нашел свою нишу в жизни, купил дом. В 1952 году у Гарри и Сары родилась дочь, когда детективу было всего двадцать два года.

Они дали ей имя Элизабет. В честь поэтессы Элизабет Эллет. Гарри любил свою дочь так сильно, как не любил свою жену. Дочь стала для него неким символом воли. В который он мог вкладывать всю свою безграничную любовь, тот символ, что он обязан защищать любой ценой. Девочка подросла и стала проявлять большие успехи в учебе и вечно твердила о том, что она станет актрисой, когда вырастет. Отец лишь лучезарно улыбался, и гладил ее по белокурой головке.

— Конечно, станешь, Элизабет. Наша жизнь лишь в наших руках. И ни в чьих больше.

Вслед за светлой полосой всегда следует темная. И в семью Ренделлов пришло горе. Через несколько лет умерла Сара, ее сразил рак. Она медленно угасала, подобно свече, пока не покинула свою семью.

Это был самый дождливый день из всех, что мог вспомнить Гарри. Природа будто оплакивала их утрату. В тот день собралось много людей, чтобы почтить память ушедшей Сары Ренделл. Сердце мужчины разрывалось, когда он смотрел на плачущую дочь. Ребенок столкнулся с потерей матери. Ее бедное сердце еле справлялось с нагрузкой, что наваливало на него потрясение от случившегося. Плачущий ребенок то и дело повторял:

— Что мы будем делать, папочка? Что же мы будем делать?

Гарри не знал, что сказать Элизабет, он лишь сильнее прижимал ее к себе, еле сдерживая слезы. Но стоило коснуться ее белых волос, как слезы вырывались из своего плена.

— Папа, почему Бог забрал ее? — Элизабет еле могла выговорить эти слова, они обрывались, выпрыгивая из нее короткими отрывками.

— Бога нет, моя дорогая. — Разочарованно ответил отец. — Либо он давно уже понял, что мы безнадежны, и потому больше не обращает на нас свой взор и не слышит наши молитвы.

Элизабет еще сильнее прижалась к отцу, ее маленькое тельце содрогалось, не издавая ни звука. Она лишь шмыгала носиком. Гарри впал в ступор, осознавая, что он остался один с ребенком на руках.

— Наша жизнь лишь в наших руках, Элизабет. И ни в чьих больше.

Вскоре Гарри взял отпуск и стал проводить все свое свободное время с дочерью. Они вместе читали книги, путешествовали, обсуждали все, что видели новое вокруг себя, смотрели фильмы со знаменитыми актрисами того времени. Гарри видел, как горели глаза девочки, каждый раз, когда они смотрели кино. Ее мечта становилась все объемнее и реальнее. Она только и говорила о костюмах, о любовных интригах, о красоте и пластике женщин по ту сторону экрана. Элизабет поражалась их реальности и безумно соперничала героиням. Мечты захватывали ее красотой образов все сильнее и сильнее. И они достигли своего пика, как только девочке исполнилось восемнадцать лет. Она слезно просила у отца добро на поездку в Лондон, чтобы стать актрисой. Гарри долго отговаривал дочь от такого далёкого путешествия. Он как человек, идеально видевший жизнь во всех ее проявлениях, особенно зная о страшных сторонах через призму наблюдателя, боялся, что с дочерью что-то может произойти. Но смотря на нее, он чувствовал, что должен дать ей шанс добиться своей мечты. И после долгих уговоров, с тяжелым грузом на сердце он дал свое согласие.

Через два дня он уже провожал ее на поезд. Элизабет сияла от счастья, и Гарри старался улыбаться тоже, подавляя в себе слезы. Волнение тугими веревками сжимало его нутро, от чего он начинал задыхаться. Минута, десять, полчаса. Он не хотел ее отпускать до последнего момента, пока уже поезд не начал отъезжать. Мужчина держался за девочку как за спасательный круг, боясь утонуть в море одиночества.

И вот она уехала. И звук уезжающего поезда звучал в голове Гарри как похоронный марш. Он становился все громче и громче, разрушая прочную психологическую оболочку. И стоило ей слегка треснуть, как из глаз его рванули первые слезы. Он еще около часа стоял у холодных рельс, закрывая лицо руками. Немного успокоившись, Гарри обтер лицо платком и направился к своей машине.

Дома его ждала тишина и пустота. Не было слышно того звонкого смеха, не чувствовалось запаха свежих оладий. Ничего. Детектив устроился в своем кресле и бросил взгляд тумбочку, в которой лежала потертая пачка сигарет, та самая, что он не трогал со дня смерти жены. Соблазн успокоить нервы был велик, и, не желая сдерживаться, он взял ее и закурил. В комнате витал тяжелый, задумчивый дым. Такой спокойный и одурманивающий. Он плыл не спеша, рисуя в воздухе едва уловимые образы, среди которых мужчина видел поезд, уезжающий прочь.

Дни тянулись подобно жгутам, скрашиваясь редкими письмами дочери из Лондона. Гарри все также работал, постепенно ввязываясь в рутину, что напоминала ему сырое тесто. Хотя

казалось, что в его работе это невозможно. Но когда ты работаешь там, где смерть, страх и сумасшествие уже не удивляют, это становится вполне возможным. Постепенно письма от Элизабет приходили все реже и реже. И каждая весточка становилась для разбитого сердца отца маленьким праздником, крохотным визитом дочери домой. Он перечитывал ее письма, слыша ее голос в своей голове, и успокаивался. Девушка рассказывала ему о жизни в Лондоне, о его улицах, о людях, что она там видела. Она буквально говорила ему, что все там иначе. Сложнее, чем в Дарлингтоне. А в последнем письме она писала, что ей удалось получить роль в одном фильме. И Гарри гордился своей дочерью: она поступила так, как он учил всю ее жизнь. Но после этого письма связь прервалась. Отец пытался связаться с ней, но безуспешно. И еще целый месяц Ренделл был как на иголках, рисуя в своей голове страшные картины, которые заставляли его курить снова и снова. Сердце было готово остановиться, когда в один из апрельских дней в его дверь позвонили. Гарри давно не принимал гостей, потому, это его насторожило. Он накинул халат и приготовил свой пистолет, что лежал на тумбе. Подойдя к двери, он заглянул в дверной глазок и увидел там двух полицейских. Гарри спрятал пистолет и открыл им дверь.

— Мистер Ренделл? — Спросил один из офицеров.

— Да. Что случилось? — Сердце Гарри было уже готово разорваться от страха.

— Мы пришли по поводу вашей дочери, Элизабет Ренделл. Ее тело было найдено пару дней назад в одном из парков Лондона. Какие-то подонки, которых мы ищем, напали на нее с целью ограбления. На ней были обнаружены следы борьбы. Она была опознана подругами.

Гарри упал перед полицейскими на колени. Весь его мир рухнул. Не оставив даже ниточки за которую можно ухватиться, хоть какую-то лазейку. Он издал истошный крик, раздававшийся не только в округе, но и глубоко в его сознании, разрушив остатки психологического барьера, выстроенного годами. И державшего его от безумия.

И снова похороны. Как же он мечтал лежать рядом с ней. И в вечном сне гладить ее белокурые волосы и слушать ее мелодичный, красивый голос, едва заметно улыбаясь. Он мечтал о возможности путешествий во времени. Чтобы не видеть завянувший прекрасный цветок, что мог бы стать самым красивым и достойным. Он чувствовал стыд. Ведь Гарри был сильным человеком и учил свою дочь тому же, а сейчас он думал о прекращении жизни. Но он не имел права. Не имел права предавать ее.

Оборачиваясь назад, на свое прошлое, Гарри искренне не понимал Альфреда. Сейчас, когда он смотрел на этого пухлого светловолосого мальчугана, в его голове раздавался звук уезжающего поезда. Такой монотонный, завораживающий, уносящий души куда-то далеко. Этот звук стискивал ему голову, пока тот лежал на кровати в доме графа Альфреда Кобба. Гарри лежал, стирая со своего лица соленые слезы, а они все рвались и рвались наружу. Когда Ренделл, наконец, уснул, время уже было около четырех утра. И сон унес его куда-то далеко, в горы. Он смотрел на солнечный свет, что падал на стены пещеры. И оттуда не было выхода, пещера словно поймала его в капкан. А вокруг люди. Не живые. Они лежали у его ног. Гарри не мог посчитать, сколько их было. Может, сотня. А может, и две. Вокруг них роились мухи и ползали трупные черви. Ренделл видел все так отчетливо, словно это не был сон. А может, так оно и есть. Он оглядывался, в поисках спасения, но его словно затягивало в трупную трясиину. Жидкую и зловонную. Гарри не мог пошевелить ногой, она была схвачена какой — то жижей, которая тянула его вглубь. Чувствовал, как его тело медленно немело, начиная с кончиков пальцев на ногах и заканчивая затылком. Ренделл принимал отчаянные попытки выбраться из зловонного моря трупов, но у него совсем не было сил, и его глаза широко распахнулись, в тот

миг, когда жижа полностью поглотила детектива, даже не дав ему сделать последний вдох.

Гарри тяжело дышал, и судорожно осматривался, абсолютно не понимая где он. Мужчина буквально обливался обжигающе — холодным потом, что стекал с его лба. Спустя минуту, как только он отдышался, все встало на свои места — он находился в комнате, все также в особняке. И это был всего лишь его страшный сон. Очередной.

Гарри посмотрел на часы. Они показывали десять часов утра. Сердце его все еще отбивало бешеный ритм, но уже не от ужаса, что он испытывал, будучи в пещере. Это было что-то другое. Но что это, он пока понять не мог.

Встав с кровати, детектив прошел в ванную и привел себя в порядок. Сегодня предстояло поработать над остальными обитателями дома. Выйдя из ванной, он оделся и тихо проследовал на первый этаж, минуя вновь библиотеку, коридоры и парадную лестницу над которой красовались огромные настенные часы. В доме витала все так же странная атмосфера — тюремная безнадега, тоска, скука. Казалось, что такое настроение может вызвать обычная пасмурная погода, но за окном ярко светило солнце. Со стороны бального зала вновь слышалась музыка. Гарри остановился и прислушался к чарующим звукам, доносившимся оттуда. Он слегка покачивал головой в такт этой мелодии, впадая в транс.

— Сэр? — Раздался позади его робкий мальчишеский голос.

Гарри обернулся. Позади него стоял молодой парень, лет двадцати. Он немного дрожал, смотря на детектива.

— Меня зовут Говард. Я собирался сейчас подняться к вам, мистер Ренделл. Граф приглашает вас в столовую, на завтрак.

— Спасибо большое, передайте графу, что я не могу сейчас, так как у меня много дел. И также передайте, что за ужином я точно составлю ему компанию.

Мальчишка кивнул и, развернувшись, пошел к столовой, негромко отбивая ритм каблуками новых туфель. Гарри еще некоторое время смотрел ему вслед. И как только парень скрылся за дверью трапезной, детектив рванул вперед, в бальный зал, откуда лилась музыка.

Бальный зал представлял собой очень крупное помещение прямоугольной формы с высокими потолками, подпираемыми дюжиной мраморных колон. Свет из витражных окон довольно ярко освещал зал. В его конце размещалась сцена с постаментом для дирижера и места музыкантов, где они и сидели. Дирижер, мужчина средних лет, с густой черной бородой активно управлял небольшим оркестром.

— Нет! — Резко произнес мужчина, и музыканты замолчали, напугано оторвав взгляд от своих нот. — Рикки, ты женщин любишь? Ты видишь подряд две «си»? Так нарисуй над ними женскую грудь, может тогда ты будешь играть их отдельно. Еще раз, с третьей цифры. — Он постучал дирижерской палочкой по постаменту и вознес ее над головой, как воин возносит свой острый меч над ордой свирепых врагов. Из инструментов вновь заиграла музыка. Гарри подошел немного ближе, в надежде, что его заметят. Но оркестр был настолько увлечен игрой, что даже сирена и свист пуль не могли бы их отвлечь от работы.

Все напряжение этих людей словно передавалось в музыке, их переживания, боль. Звуки музыки пробирали каждую клеточку организма слушающего. Меч воина разил врагов с неистовой силой, какой не обладают обычные люди. Если бы это действительно было оружие, в таких руках оно могло бы сразить целую армию.

Когда они закончили, Гарри зааплодировал. Дирижер неуверенно обернулся, когда обнаружил около себя слушателя, который оценил их старания и улыбнулся.

— О, детектив, доброе утро. — Мужчина спустился с эстрады, чтобы пожать руку Ренделлу. Дирижер оказался немного ниже, чем казалось на первый взгляд. У мужчины было добродушное лицо, с яркими голубыми глазами и волнистые русые волосы. Гарри улыбнулся ему в ответ и пожал руку.

— Вы знаете кто я?

— Да, новости слишком быстро разбегаются в этом доме. Они как молоко. Стоит его немного передержать на огне, и оно разбежится по всей плите. — Мужчина ухмыльнулся. — Меня Санфорд зовут. И я готовлю этих бездарей к балу.

— Ох, я вижу, дела идут хорошо.

— Я бы так не сказал. — Посетовал джентльмен, качая головой.

— Сэр, я могу с вами лично побеседовать? — Гарри бросил взгляд на оркестр. Все были заняты изучением нот, ну или видимостью этого. За исключением скрипача, который то и дело отрывал взгляд от них, чтобы взглянуть на детектива. Он был худ и бледен. В его взгляде читалась только усталость и слабость.

— Да, конечно. Пойдемте тогда на улицу, может?

Гарри с радостью принял это предложение, и они вместе направились к выходу.

— Ну как же можно быть такими дураками? Сколько учились они этому, все равно. Как будто зря.

Детектив сочувственно кивнул, и они вышли на улицу через парадный выход. В воздухе пахло дождем, пожухшей листвой и розами, что были высажены повсеместно по всему периметру особняка. Розовые кусты, если посмотреть с воздуха, напоминали лабиринт. Желтые розы произрастали широкой дорогой от парадных ворот, до центра сада, где изливался красивый фонтан со статуей длинноволосого мужчины в длинном плаще. Это была фигура пожилого мужчины с настолько суровым лицом, словно он в жизни повидал слишком много страшных вещей. Он протягивал вытянутую ладонь в сторону врат, и на этой ладони сидел ворон. Работа была настолько аккуратной и точной, что казалось если подойти к статуе поближе, то ворон расправит свои крылья и сорвется в небо. По правую сторону шли красные розы. Они вели путника прямо до фруктовых деревьев в окрестностях закрытого зимнего сада. На левую сторону вели уже белые розы. Там было небольшой ухоженный пруд с безмятежно плывущими на водной глади утками. Ну а черные розы вели прямо до парадного входа в особняк. «Странная, но вполне понятная задумка».

— Что бы вы хотели узнать, мистер Ренделл? — Задал, наконец, вопрос дирижер детективу, когда они подошли к фонтану.

Гарри задумался буквально на несколько секунд, обратив внимание на само здание. Оно действительно излучало величие, но и что-то еще. Нечто похожее на одиночество и одичалость. Красивое, большое трехэтажное здание. С двумя ветками — правой и левой, которые находились фактически отдельно от основного здания. Особняк ему напоминал того же ворона, но уже с распахнутыми крыльями.

— Я бы хотел понять, что с этим домом не так.

— Дорогой Гарри, я знаю, что вы тот еще скептик. И будет тяжело вам что-то объяснить. Я попробую говорить на вашем языке — на языке фактов. Мне точно неизвестно, когда был построен особняк, но я знаю точно, что это произошло в то же время, как были заложены первые фундаменты городских зданий. Винсент Макгроу владел местными землями, и впоследствии стал графом. Строительство особняка велось строго в ночь. Это был какой — то особенный каприз молодого графа, отчего строительство довольно сильно затягивалось. — Санфорд посмотрел на статую. — Это, кстати, он и есть. Он был довольно странной и эпатажной личностью. Вечно ходил в длинном черном плаще и с огромным старым вороном на плече. Поговаривали, что этот ворон давал ему советы, буквально накаркивал ему идеи по строительству потайных комнат в доме. Воистину странный был человек. Когда строительство было окончено, и молодой граф поселился уже в своем особняке, целый год о нем не было ничего слышно. Он буквально закрылся у себя в крепости, став на год затворником. Люди, что пытались добиться его аудиенции, видели лишь закрытую наглухо дверь. Народ судачил о том, что порой из фонтана била алая вода, но доказать это так и не смогли. Якобы этого «очевидца» после его рассказов нашли в лесу без языка. — Дирижер рассмеялся от собственных слов. — Глупость редкостная. Но что ещё могут выдумать обычные рабочие люди? Тем более если учесть то, что граф был безумно верующим человеком, буквально религиозным фанатиком. Он скупал целые книжные полки в магазинах с религиозной литературой, постоянно молился, читал свою бредятину. И, в конце — концов, крыша у него и поехала. От постоянного одиночества, общения с вороном, вечных молитв. Винсент боялся какой — то сущности, что жила на этой земле. Он утверждал, что она говорит с ним, и требует от него что-то. В противном случае, она обещала свести его с ума кошмарными снами. Позже его безумие утихло. Но ненадолго. Он завел семью, у него родилось две очаровательные дочурки. Жаль, что этот факт не смог сдержать его слабоумие. Мужчина стал закрываться в своем кабинете и часами «разговаривать» со своим старым ручным вороном. Как он говорил перед своей смертью, ворон требовал от него, чтобы тот написал книгу. Не так как обычно пишут книги, а именно под его диктовку. Граф не знал сна, находясь в бреду, создавая эту книгу. И когда до ее окончания осталось буквально пара строк, его сердце сразил приступ. Его нашел дворецкий, который вошел в его кабинет. Винсент был уже холодный и синий.

— Где располагался его кабинет? — С интересом спросил детектив Ренделл.

— На месте нынешней библиотеки. Точно неизвестно, существует ли эта книга на самом деле, или это очередная легенда. Но, тем не менее, история довольно странная. Хотя, как по мне, даже если книга и существовала, вдова уже наверняка позаботилась о том, чтобы сие творение было уничтожено. Неприятная вещь, все же. И хранит в себе плохие воспоминания и не менее плохую энергетику.

— Спасибо большое, за вашу информацию. Определенно, она очень полезна. Мне самому тут не по себе, если честно.

— Думаю, вы еще хотели бы узнать, что я знаю о здешних зверствах? Что происходят на территории города?

— Да...да, сэр. Я бы хотел об этом узнать. — Гарри был слегка обескуражен. Ему казалось, что Санфорд и без того мог бы прочитать его мысли и сам ответить на все вопросы.

— Я уже года два тут нахожусь как в танке. Но, тем не менее, беда коснулась и моих музыкантов. Моя первая скрипка однажды посреди ночи вышел на улицу, подышать свежим воздухом, как мне кажется. Он сделал это абсолютно бесшумно, словно проплыл по воздуху.

Его изуродованное тело утром нашли охранники. Бедный парнишка, он был хорошим скрипачом, не то, что этот. Уже который год словно в облаках витает, да и бледный как смерть. — Дирижер тяжело вздохнул, вспоминая утерянный талант. — Вот тут, прошу меня извинить, офицер Ренделл. — Санфорд посмотрел на свои наручные часы. — Мне пора тормозить этих уличных трубадуров.

— Благодарю вас, сэр. Если что-то еще захотите рассказать, сможете меня найти на третьем этаже. Последняя правая дверь, что в конце коридора. — Гарри улыбнулся и протянул руку для рукопожатия и Санфорд с улыбкой ее пожал.

— Если хотите знать мое мнение, убийца все еще тут. Среди нас. И вам, дорогой детектив, я бы посоветовал смотреть между строк и верить в мистические вещи, что здесь происходят не одну сотню лет. Это самый верный способ докопаться до истины, что бродит за вашей спиной. — Дирижер подмигнул Гарри и пошел в сторону особняка.

— Я заметил некоторые странности в своем поведении, пока я тут находился. — Крикнул ему вслед Ренделл и, остановившись, Санфорд обернулся. — Я чувствую себя здесь просто ужасно. Мои кошмары вернулись вновь. Такие реалистичные...яркие. Простите, это не профессионально. Но я почему-то очень хочу рассказать кому-нибудь об этом. Увы, мне абсолютно некому.

— У вас есть семья? — Санфорд посмотрел ему прямо в глаза с сочувствием и какой-то тяжелой грустью.

— Была. У меня умерла жена, а за ней и дочь. Оставив меня совсем одного.

— Это неприятно спрашивать, и тем более отвечать на подобный вопрос. Но, тем не менее — как это произошло?

— Жена слегла от болезни. С дочерью жизнь обошлась гораздо хуже. Бедняжка, мой бедный цветок. — Гарри склонил голову. В его ногах появилась слабость, отчего его слегка потряхивало на ровном месте. — С ней жестоко расправились какие — то ублюдки, несколько месяцев назад. Я кое-как отошел от тяжелой психологической травмы. Меня мучали кошмары. И вот, они повторяются снова.

Санфорд задумался на минутку. В его лице читалось сочувствие и какая-то боль, словно он это прочувствовал уже на себе.

— Знаете, мистер Ренделл. Моя жена была очень умной женщиной, профессором психологии. Она часто вытаскивала меня из различного сорта ситуаций. Однажды она мне сказала странную вещь, которую я запомнил на всю жизнь. Она сказала: «Когда мы сталкиваемся с тем, что считаем неправильным, мнение трансформируется. Наши глаза начинают иначе смотреть на мир, и сознание отвечает на это изменение тьмой. И эта тьма зовется Нигредо». Имела в виду она, всего лишь проявления психики человека при столкновении различных жизненных полярностей. Но в вашем случае, эту фразу можно воспринимать буквально. — Санфорд кивнул детективу и ушел прочь, оставив мужчину наедине со своими мыслями.

Гарри повернулся спиной к особняку, всматриваясь в фонтан со статуей. И где-то вдалеке, плыли тучи цвета глины, направляясь прямо в его сторону.

Глава 5 Золотая стрела

Спустя несколько часов туча уже нависла над особняком. В ней таилась какая-то неясная

обычному человеку угроза.

За окном пошел холодный ливень, который громко разбивался о стеклянный барьер коридора. Солнца уже совсем не было видно за небесной темной пеленой. И, несмотря на все это, здесь, под крышей, под защитой этих кирпичных стен ощущался некоторый уют. Гарри слегка притормозил по дороге на ужин, чтобы полюбоваться на скорбь природы. Она умирала, чтобы потом воскреснуть вновь, из своего белого савана. Она могла. «Жаль, что люди так не могут» — подумал про себя Гарри, опустив глаза, и вспоминая своих жену и дочь. Также в его голове не мог найти покоя разговор с Санфордом. Он был адекватен, спокоен и хорошо пошел на контакт. Да и к тому же, дал ему чрезвычайно много ценной информации. Мужчина внушал доверие, но все равно от него веяло каким-то холодом. Как от открытой форточки в морозную безветренную погоду. Хотя, как полагал детектив, в этом особняке веет холодом от каждого встречного, коих здесь было совсем немного. Особняк пустовал. Если крикнуть что-нибудь в пустоту коридора, то можно было услышать эхо — жуткое, и холодное, походящее на ответ мертвых сквозь время и материю. Они забирали все тепло людей к себе, глубоко в стены, где жестоко с ним расправлялись.

Тут чья-то невидимая рука вытащила детектива из бездны его суровых мыслей. У Гарри заняло плечо, и мужчина резко обернулся. Ему показалось, что совсем недалеко от него раздается тяжелое дыхание. Мужчина ощутил на себе чей-то сверлящий, огненный взгляд. Ренделл замер, повернувшись назад к окну, посчитав, что ему показалось. Но чувство что на него кто-то смотрит, не могло оставить его. Вокруг никого не было, в этом детектив был уверен. Но для верности пистолет, он все же достал. Сердце сбилось с привычного ритма, отбивая бешенную барабанную партию. Капельки пота скатывались по его бледному лбу. Дыхание сзади утихло, а музыки, что приглушенно доносилась из бального зала до этого момента, стало совсем не слышно. Наступила гробовая тишина. Никого. Только они. Вдвоем. Нечто стало вновь медленно наступать в сторону детектива, еле заметно поскрипывал паркет под алым ковром. И вот, спустя пару мгновений, нечто стояло уже у затылка Гарри. Мужчина сделал глубокий вдох, и мгновенно сняв пистолет с предохранителя, направил его... в пустоту. Некоторое время детектив был в ступоре. Он был готов поклясться, что рядом с ним что-то было. Со стороны столовой в ту же минуту послышался испуганный женский крик. Гарри, не убирая пистолета, сорвался с места и пулей рванул к большой двери, ведущей к источнику шума. Вбежав в помещение, его взбудоражила картина, открывшаяся перед ним: прямо на столе, где обычно обедала семья, лежал тот самый лакей, с которым он еще утром разговаривал. Лежал он на спине, без рубашки. Тело его было все в синяках, живот вспорот, а все содержимое лежало у его промежности. Кровь ручейками стекала по столу на холодный плиточный пол, собираясь в огромную алую лужу. Парень что-то еле слышно кряхтел, захлебываясь кровью. Гарри подбежал к нему и посмотрел тому прямо в глаза:

— Кто это сделал?? — Мужчина буквально кричал на парня. В нос ему ударил запах дерьма и крови, что витал над его вспоротым брюхом. Парень лишь еще сильнее и невнятнее закряхтел и закатил глаза.

— Черт! Черт! Черт! Кто это сделал?! — Мужчина кинулся к служанке, что плакала, распластавшись на коленях у стола. — Ты видела его? Отвечай! — Девушка лишь продолжала плакать, захлебываясь от слез. Она даже не поднимала лица, а лишь содрогалась как сосна, над которой возносится острый топор.

Махнув на нее рукой, детектив выбежал из столовой в поисках кого-нибудь, что могли бы ему помочь. Гарри бежал по коридору, сзади него раздавался эхом топот его собственных ног. Он все бежал и бежал, но коридор отказывался заканчиваться. Он превратился в одну сплошную

темную линию. Вокруг не было ничего кроме темноты. Обернувшись, Ренделл осознал, что позади него нет двери. Что он просто в пустоте. Темной, и густой как кисель. Мужчина искал ориентир, что мог бы его вывести отсюда. И бросив все, рванул просто вперед, понадеявшись хотя бы врезаться в стену. Но стены не было. Как бы он не менял направление бега, его все равно встречала только пустота. Сырая и безмолвная. Гарри словно плыл по бесконечному космосу, или в легкой, едва уловимой темной жиже. А может, он вообще мертв? И именно так выглядит смерть. Но все же, звуки его ботинок преследовали его ещё долгое время, пока он бежал, и остановились лишь тогда, когда мужчина упал без сил на колени. И схватился за свою голову. Гарри давно не чувствовал себя таким бессильным. Когда на его глазах умирал невинный человек, в нем тоже умирала какая-то крошечная частица. От него откалывался кусочек его души. Ренделл схватился за свое лицо руками. Тьма сдавливала его со всех сторон, как сдавливают холодные бетонные плиты. Дышать становилось тяжело, и еще чуть-чуть и можно было проститься с миром, выпадая из сознания от усталости.

В последний момент чья-то очень маленькая и тепленькая ручка коснулась его головы. Подобно богине, она одарила его спокойствием и теплом, что ручьем принялось заполнять жилы Гарри. Открыв глаза, мужчина поднял голову, чтобы посмотреть в глаза ангелу. Он ожидал увидеть все что угодно, но только не то, что он увидел на самом деле.

— Элизабет... — Губы сами собой разомкнулись, и из заточения вырвался еле слышный вой. Маленькая капля слезы скатилась по бледному и измученному лицу Гарри.

Девочка предстала перед ним такой, какой он помнил ее еще в детстве. Когда ей было лет семь. От ее белокурых волос исходил золотистый свет, и пахли они лавандой. Девочка коснулась лица своего отца, вглядываясь прямо в его заплаканные глаза.

— Пап, помнишь, чему ты меня учил?

Гарри нервно кивнул, его ноги дрожали. Он хотел ее обнять, прижать к себе, но так боялся рассеять этот мираж. Он хотел насладиться каждым мгновением. Пусть, это и всего лишь видение, что пришло ему во время очередного срыва.

— Папа... — Девочка резко перестала издавать свечение. Запах лаванды перестал исходить от ее волос. Его пересилил запах смрада и тухлых яиц. Улыбка сошла с ее лица, и ее крошечные пальчики впились ногтями в лицо мужчины.

— ...Перестань себя обманывать, папа. — Элизабет стиснула зубы, словно говоря это нехотя. Из ее крошечных глаз покатались слезы. — Это ведь ты сделал. Признай это. Ты во всем виноват.

— Элизабет, я ведь ничего не делал...

— Его кровь на твоих руках. А девушка, что была возле мертвого мальчика, просто боится тебя. Потому, не проронила ни слова. Ты сходишь с ума, папуля. — Она стала громко плакать. Сердце Гарри сжалось, стоило ему услышать детский плач. — Ты так переживаешь из-за меня. Перестань. Отпусти меня, мне тут хорошо. И мама тут. Мы ждем только тебя. Подожди немного. Скоро мы будем все вместе. И... — Элизабет тяжело выдохнула, чтобы преодолеть поток слез. — Не обманывай себя, уезжай отсюда. Тебе тут не место.

Девочка становилась все тусклее, пока совсем не растворилась во тьме, словно сигаретный дым. Гарри судорожно ловил его в воздухе, кричал, зывал в пустоту «Элизабет!». И все закончилось. Мужчина растер уставшие глаза и понял, что лежит в кровати. На кофейном столике звонко тикал будильник, показывая стрелками два часа и две минуты после полуночи.

Никогда не знаешь, сколько всего тебе может поведать тишина. Настоящая тишина, та самая, в которой можно слышать биение собственного сердца. В такое время тебя абсолютно ничего не заботит. Время течет медленно, тягуче, словно мед. И ты уже не замечаешь, когда к тебе в двери стучится безумие. Кажется, что вокруг тебя нет совсем никого, даже когда ты на самом деле не один.

Уже далеко не молодой мужчина слушал вой ветра, погруженный в эти мысли. Холод тоненькими иголочками протыкал его легкие, заставляя их тихо сдуваться, доставляя не самые приятные ощущения. Он смотрел в окно. Считая каждую минуту до прихода специалиста. Уже слишком много времени он провел в этом доме со своей семьей. Все они всерьез обеспокоены своей дальнейшей судьбой. И вся чертовщина безумно пугала Георга и его девочек.

В дверь постучали, и в комнату вошел молодой дворецкий. Он поклонился графу:

— Гостья прибыла, она ждет вас у парадной лестницы.

— Благодарю тебя сердечно, Лукас.

Они вместе вышли из кабинета графа и разошлись по разным сторонам. Георг пошел встречать его гостью, которую он ожидал с визитом из Лондона. Когда он вышел к парадной лестнице, то сразу ощутил некоторое сомнение в надежности этой девушки: Это была молодая рыжеволосая особа. С правильными чертами лица, тонкими губами и благородной походкой. Облаченная во все черное, она испуганным косым взглядом осматривала все вокруг. Ее голубые глаза расширились при виде графа. Девушка поклонилась и представилась:

— Я Дорита. Экстрасенс, медиум. Я примчалась, как только смогла, хоть и дорога была дальняя. Но ради такой чести я использовала все свои силы и возможности. Что вас беспокоит?

Мужчина опустил глаза. Почему-то его язык не поворачивался, чтобы начать рассказ. У себя в голове он принялся перебирать монолог, который он хотел поведать девушке. Спустя минуту безмолвия он заговорил, и в голосе его слышалось отчаяние и грусть:

— Сначала все было хорошо. Какое-то время мы спокойно жили в этом фамильном особняке, что передался мне от моего отца. Тут стало формироваться новое ответвление семейного древа графского рода Макгроу. — Выдал мужчина с легкой ноткой самодовольства. — Но в один день, все пошло на спад. Дочери стали беспокойно спать, жена стала жаловаться на частые кошмары. В доме эпизодически появлялась дикая вонь, около эпицентра которой, вились мухи. Возникла она постоянно в новых местах. Как правило, недалеко от девочек. — Граф слегка вздрогнул, очевидно, освежая события в памяти. Он чувствовал, как его грудную клетку сдавливало от нахлынувшего страха, который постепенно ослаблял хватку с каждым словом. — Спустя полгода ситуация стала ухудшаться. Девочки стали жаловаться на чьи-то голоса, доносящиеся из шкафа, или из-за закрытой двери ванной комнаты. Обеспокоенный жалобами дочерей, я приставил к ним постоянную охрану. Увы, это совсем не помогало. Я долгое время считал, что все эти рассказы были плодом воображения девочек, которые пытались таким образом добиться внимания меня и моей жены, ведь мы редко могли уделить время дочерям из-за работы. Но, столкнувшись лишь раз с похожими необъяснимыми вещами, я понял, что это все не шутки.

— Если у вас под полой не погибло живое существо, то могу предположить, что это злой дух. Или демон. Я должна послушать этот дом. Я могу сделать это прямо здесь? Я не хочу заходить

пока что далеко в дом.

— Если вам так будет удобно. — Тяжело вздохнул граф, посчитав, что в очередной раз ошибся, когда стал верить в подобные вещи.

Дорита кивнула и полезла в свою сумку. Немного порыскав там, она достала оттуда маленький предмет, который оказался перстнем с большим, блестящим камнем. Она молча опустила сумку на пол. Девушка внимательно прислушивалась к тишине. Замерев на месте, Дорита медленно опустилась вниз. И внезапно издала громкий крик, оглушивший графа. На глаза девушки набежали слезы, она кричала и плакала, разбивая кулаки о холодный пол. Это длилось секунд десять. После чего она остановилась. Граф даже не успел отреагировать на случившееся. Все звуки в доме умолкли, жители перестали заниматься своими делами и просто прислушались.

— Простите... — Она пыталась отдышаться, ей казалось, словно ее легкие заполнял едкий дым. — В этом доме звучит огромное количество голосов. Они кричат, плачут и задыхаются от нехватки воздуха. Здесь и женщины, и мужчины, и дети. Они закрыты этим особняком, словно куполом. — Девушка подняла расфокусированный взгляд на потолок. Здесь сотни неуспокоенных душ...но что интересно — ни в одной душе я не почувствовала родства с вами. Как в вашем роду хоронят усопших?

Георг протянул девушке руку и предложил пройти в его кабинет, чтобы продолжить разговор. Его смутила тишина, что воцарилась в доме. Мужчина не желал лишних разговоров за его спиной. Пока они шли в кабинет, граф негромким голосом принялся отвечать на ее вопрос:

— В нашем роду особое отношение к смерти. Мы всегда считали, что тело нужно придавать огню, не иначе. Мои предки верили, что тело, не сожженное после смерти, может стать колыбелью для освободившейся души, которая не покинет дом до тех пор, пока человек не будет уничтожен.

Они дошли до кабинета и устроились друг напротив друга в просторных кожаных креслах. Мужчина закурил трубку и посмотрел прямо в глаза экстрасенсу.

— Я подозреваю, что здесь очень много людей, погибших не своей смертью. Убитых, причем, согласно их крикам, жестоко убитых. Многие из них даже не подозревают, что они мертвы. И я могу их видеть. Часто на этих людях, вернее, уже призраках, остаются следы насилия — ножевое ранение, след от петли на шее, отсутствие головы. — Девушка говорила очень возбужденно, она спешила и буквально запинаясь, проговаривая каждое слово, как под диктовку.

— То есть нас терроризируют усопшие? — Скептически спросил мужчина, затягиваясь курительной трубкой.

— Нет. Это не призраки. Вернее, здесь не только они живут.

Георг, оторвавшись от наблюдения за дымом, который только что выпустил, посмотрел вновь девушке в глаза.

— А кто же?

— Он не назвал своего имени. Этот некто начал со мной говорить еще до того, как я сюда вошла. Стоило мне преодолеть ваши ворота, шепот, каскадом проник в мое сознание. Это очень сильная сущность, не имеющая оболочки. Она слабая, но мстительная. Не принадлежит

к призракам, это что-то другое. И это что-то пытается с вами говорить.

— Что ему нужно от меня и моей семьи?

— Ваша помощь. Я могла неправильно понять его слова, он плохо разговаривал по-английски. И говорил он тихо. Хотел, чтобы вы доделали какую-то работу, что не закончил ваш предок.

— Мой предок? Мой отец, Руфус Магроу, который опоганил всю репутацию этого особняка, очернил честь нашего рода? Убийца и живодер? Если эта тварь хочет, чтобы я убивал людей, то я вызову священника, чтобы изгнал её отсюда. — Лицо Георга стало наливаясь краской, мужчину слегка потряхивало.

— Снова...Он снова говорит. — Девушка согнулась, схватившись за живот. Она издала протяжный стон, и рухнула на пол, не подавая признаков жизни. Граф вскочил со своего места, и попытался помочь девушке встать, но она оттолкнула его с такой силой, что мужчина влетел в книжный шкаф, сломав спиной полку. Ему на голову, посыпалась груда тяжелых книг. Мужчина закричал от боли. Дорита все так же лежала на полу. Ее начало трясти, зрачки медленно поражало бельмо. Пожилой граф, наконец, поднявшись, попытался открыть дверь. Последнее ему не удалось — дверь была заперта снаружи. Георг принялся звать на помощь, но в ответ ему послышалась лишь тишина. Он громко стучал в дверь и пытался выломать ее, но дверь прочно стояла на месте, словно намертво вросшая в косяки. Экстрасенс издала стон, какой обычно издает расстроенный пес, отчего граф замер и медленно обернулся. Девушка уже стояла перед ним. Немного растрепанная, с бешеными глазами, белыми, как сметана.

— А я думал, мы сможем договориться, Макгроу. Не знал, что мне еще нужно бегать за тобой, чтобы доделать труд своей жизни. — Из рта девушки послышался дьявольский голос. Словно сам Сатана сейчас вещал губами экстрасенса, от его голоса шли мурашки по коже и останавливались все биологические процессы. Включая биение сердца.

— Кто ты? И чего ты хочешь?

— У меня мало времени на разговоры с тобой, Георг. Просто закончи работу своего отца, ты знаешь, о чем я. Найди ту книгу в библиотеке.

— Но книг же там сотни, если не тысячи... — Начал было говорить граф, испуганный до полусмерти, но девушка уже замолчала и стала изменяться прямо на глазах. Бельмо исчезло, ее выражение лица перестало выражать отвращение к собеседнику. Она была напугана.

— Заплатите мне, и я уйду.

— Да, конечно. — Сам, не менее напуганный граф, ковыляя, дошел до своего стола и, достав оттуда деньги, передал их девушке. Она схватила их и направилась к выходу.

— Не верьте его жужжанию. — Произнесла она напоследок и кинулась прочь, прикрывая лицо руками, оставляя графа наедине со своими мыслями. Мужчина уронил своё лицо в ладони. У него буквально горели глаза, в голове помутнело. После этого голоса ему казалось, что ничего его больше в жизни не испугает. Слезы полились из глаз, и он зарыдал, впервые за десять лет. У него не оставалось выбора — ведь не выполнив волю этого существа, он лишится своей семьи. Георг знал это. Мир под его ногами буквально рушился, когда он думал о том, что видела эта бедная девушка-медиум.

«Я должен это сделать» — Мужчина взял свою волю в кулак, тяжело выдохнув. «Ну, так иди, глупышка» — Прозвучал тот самый ужасный голос в его голове.

Гарри разомкнул глаза. Его вновь окружала комната, от вида которой уже слегка подташнивало. Снова эти занавески, кровать, будильник с отвратительным и монотонным тиканьем. Мужчина не желал вставать с кровати. Он ощущал себя разбитым и потрепанным. Может, он и не спал вовсе. Наверняка, свою роль здесь сыграли его сны. Они повторялись снова. С каждым днем становясь все реалистичнее и ярче.

Санфорд был прав, когда говорил о состоянии Нигредо. Ведь Гарри считал себя виноватым в смерти дочери. Чуть ли не убийцей. Эти мысли поедали его изнутри. Ренделл свято верил в то, что будь он с ней чуточку строже, она бы сейчас ждала его дома. И бедному отцу не пришлось бы с содроганием размышлять о том, что ему суждено однажды умереть в полном одиночестве, и гнить еще несколько недель, прежде чем соседи заметят его отсутствие. Слезы непроизвольно бежали по его лицу, изможденному, бледному как мел. Сердце уже потихоньку уставало от постоянных стрессов, которые накрывали детектива с новой силой. Оставшись совершенно один, Гарри утратил веру в людей, в любовь, в жизнь. Такими, какими их себе представляют люди. Из людей у него остался лишь он сам, и он не смел сомневаться в собственной человечности. Любовь ему заменяли эмоции, связанные с воспоминаниями. Он перематывал их в своей голове снова и снова, видя все в черно-белых красках, разрывая себе и без того разрушенную душу. И жизнь. Ее он заменил работой.

После смерти своей дочери у Гарри пропал смысл в жилье, как таковом. Он продал свой дом, и все что у него было, и купил себе небольшую квартирку в Дарлингтоне. И отдал большую свою часть денег на благотворительность. Но Гарри был счастлив хоть кого-то порадовать, пока он мог. Мужчина постоянно оглядывался на то, что он мог оставить после своей смерти. И поняв, что он так ничего и не сделал, совершил такой весьма рискованный шаг.

Ренделл еще несколько минут просто лежал в кровати, перебирая мысли в голове, попутно вытирая слезы обессиленными ладонями, которые ему напоминали две тряпки на ветру. Пока ему в нос не ударил резкий запах сигаретного дыма, который неожиданно заполнил комнату. Гарри оторвал руки от своего лица и попытался разглядеть источник дыма, сквозь занавес из слез перед глазами. Когда же, наконец, ему удалось растереть свои глаза, его ожидала весьма странная картина, которая ввела его на минуту в ступор:

В черном кожаном кресле, у окна, закинув ногу на ногу, в черных туфлях с высокими каблуками сидела женщина. На ней практически не было одежды. Лишь черное нижнее белье и чулки в сеточку. Она смотрела в окно и курила сигарету, вставленную мундштук, изредка делая затяжки и стряхивая сигаретный пепел в медную пепельницу на подоконнике. Выющиеся черные волосы, красивая фигура. Она походила на элитную проститутку. Одной рукой она держала сигарету, другой перебирала свои волосы, не обращая ни капли внимания на Гарри, словно его тут и не было.

— Извините? — Вмешался Гарри в это немое кино. Но девушка так и не оторвала своего взгляда от картины, происходящей за окном.

— Люди вечно скрываются за масками. Как правило, они скрывают свои настоящие, темные сущности. Не всем дана способность — видеть эту тьму сквозь непроницаемые лица. Но тот, кто видит ее, навеки теряет веру во всех людей, в их человечность.

— О чем вы вообще говорите? Кто вы?

Девушка бросила презрительный взгляд на удивленного Гарри, который уже сидел на краю

кровати, не находя слов, чтобы выразить свое возмущение.

— У меня к вам аналогичный вопрос, дорогуша. Что вы делаете в моей комнате?

— В вашей?

Девушка потушила сигарету, и на секунду задумавшись, достала еще одну из портсигара, что лежал рядом с пепельницей.

— Я Маргарет Кобб, и я хозяйка этого гребаного особняка. А ты, какой-то странный человек, что спит в моей кровати. Это ручная работа, между прочим. А за эти простыни многие готовы друг другу глотки перегрызть. Они стоят больше чем твоя жизнь. — Она чиркнула спичкой и зажгла новую сигарету. — Тебе бы еще доплатить пришлось, продав свое корыто, что стоит в моем гараже.

Глаза Гарри расширились еще сильнее, готовые в любой момент выпасть из орбит. В голове смешались сразу все чувства, которые только мог испытать человек.

— Дамочка, не говорите ерунду. Вы из лечебницы сбежали? Или переборщили с наркотиками? — Стал раздражаться Гарри. — Маргарет Кобб мертва уже лет девять.

— А может, тебе анализы сдать? Могу в лицо плюнуть. А по поводу смерти — скоро будет десять лет, как я весела на этой люстре. — Она показала Гарри на люстру, что висела в центре комнаты. — Крепкая, хорошая люстра. Ах, все осталось так же, как было при мне. Только вот странно, что он больше ни с кем не спит. — Девушка пожалала узкими плечами, выражая какое-то недоумение, пестрящее сарказмом. Гарри поднялся с кровати и подошел к ней ближе, встав прямо напротив полуголой женщины.

— Кто? — Спросил ошарашено Ренделл, все еще не отрывая взгляда от люстры, представляя себе там висящую девушку с петлей на шее.

Маргарет подняла свое лицо, смотря прямо в глаза детективу. Она издала обессиленный смешок.

— Муженек мой, тряпка чертова. Если бы у него не было денег, даже не посмотрела бы в сторону такой сопли.

— Да вы меня дурите сейчас, уходите немедленно отсюда. Иначе вас быстро выгонят за проникновение сюда. — Гарри вскочил с места, угрожающе смотря на полуголую девушку.

— Ох, как ты заведен, дорогуша. — Она засмеялась. А на это посмотри. — Она приподняла свои волосы, обнажив свою шею, а вместе с ней и страшные следы от петли. Они казались еще совсем свежими, словно ее буквально пару минут назад с нее сняли. Будто пока Гарри спал, девушка пробралась в комнату, организовала себе петлю под люстрой, затянула ее на шее, немного повисела ради развлечения и, убрав все в ванную, села на кресло, чтобы покурить и заставить Ренделла опять упасть на кровать оттого, что у него от шока отказали ноги.

— Не одолжите сигаретку, графиня? — Дрожащим голосом спросил Ренделл.

— Я леди, глупышка. Мой муж не был графом до тех пор, пока я не вышла за него. А если по делу, то держи. — Она протянула ему портсигар и спички.

— Я бы ни за что не подумал, что вы Маргарет. Я представлял себе вас иначе. — Гарри

закурил, и стал внимательно ее разглядывать.

— Ты думал, что я была высокочтимой дамой, с короной на голове и с манерами как у королевы Елизаветы? — Она засмеялась. — Я не такая, извините меня, сэр. — Она сделала очередную затяжку. — А вы так и не представились.

— Простите меня. Я был в шоке, да и сейчас в нем нахожусь. Да. — Гарри смотрел то на люстру, то на Маргарет. В его голове все тяжело укладывалось. Единственное, что его подбадривало в данной ситуации, так это мысль о том, что в этом доме все иначе, чем в остальном мире. Потому-то Гарри решил отставить ненадолго свое скептическое отношение. — Меня зовут Гарри Франциск Ренделл, я детектив. Я веду расследование в вашем доме. По поводу убийств.

— Убийств? Серьезно? Да этот дом кишит трупами, дорогой. Я все детство жила в страхе, сестра постоянно видела каких-то людей. Она разговаривала с ними, я наблюдала за этим и лишь крутила у виска. До тех пор, пока они не начали говорить и со мной. Пытаться, во всяком случае. Отец вообще на этом повернулся. Вечно под нос себе твердил о каком-то ритуале. Под конец жизни вообще перестал походить на человека. Сидел в библиотеке, никого к себе не пускал и писал какую-то книгу. А потом умер. И умер он худым и бледным. Папа страдал от частых сердечных болей. А я нашла его книгу. — Она закинула ногу на ногу. — Обтянутая черной кожей, без единого слова на обложке, словно ежедневник. Там были какие-то демонические статьи, дневник, что ведется еще с четырнадцатого века разными людьми, описывающий ритуалы, убийства, совершаемые с непонятными целями.

— Эта книга все еще здесь? — Заинтересованно спросил Гарри.

— Наверняка, Гарри. — Она обратила взгляд в окно. — Но, думаю, отец ее мог уже куда-нибудь да запрятать. Возможно, чтобы не травмировать нас. А может, он хотел, чтобы вообще ее никто никогда не увидел. Дом большой, и мест, куда можно было бы ее спрятать, много. Проще разобрать особняк по кирпичику, вместе с фундаментом, чтобы ее отыскать.

— Маргарет, расскажите, пожалуйста, о вашем муже. Я предполагаю сейчас некоторые вещи...

— Ох, а я думала, что я тебя впечатлила больше. — Она засмеялась, наблюдая за тем, как краснеет Ренделл. — Я шучу. Вы по его душу пришли? Он тот еще тип, но до убийств руки у него не дойдут. Слишком слабый морально, чтобы кого-то убить.

— Как вы познакомились?

— Я однажды пришла в театр, чтобы послушать оперу 'Тангейзер'. Слушала ее с балкончика вместе со своей кухней. Он тоже был там, но, напротив, на другом балконе. Очень долго и пристально на меня смотрел, улыбался мне. Затем что-то нашептал какому-то парню, рядом с собой и тот явился ко мне через несколько минут уже с букетом роз.

— Весьма романтично. — Задумчиво произнес Гарри.

— Потому, что это ложь. — Она выкрикнула, слегка подавшись вперед и уронив часть пепла на ковер. — Нас просто свели, чтобы воскресить этот фамильный особняк, после того, как мы стали разоряться. А я влюбилась в него, как дура. Но вот в нем, любви я не ощутила ни капли. Хотя, жаловаться грех. Я получила те деньги, которые мы потеряли. В обмен на безответную любовь. Ну, неужели я не красивая? Или у меня какие-то проблемы с телом?

— Нет, вовсе нет. — Гарри побоялся сказать что-нибудь вспыльчивой графине, потому старался быть сдержанным, машинально не принимаясь ее осматривать.

— Тоже так считаю. Я заслуживала любви, а он за моей спиной спал со служанкой. Этим он окончательно разбил мне сердце и потоптался на нем. А знаешь, что подвигло меня на самоубийство? На такой позорный уход из жизни? Еще более позорная причина — служанка забеременела от него. Я бы не выдержала подобного кошмара — люди бы смеялись надо мной, а ведь от ребенка она бы не избавилась. — Девушка остановилась и тихонько вздохнула, осматривая помещение. — Меня сгубила моя эмоциональность. И, наверное, стерженность. Не удивлюсь, что именно поэтому у нас не вышло с детьми. Он даже не хотел их от меня. А ведь я могла найти себе и кого получше, но деньги были важнее, в тот момент для моей семьи. Особенно после того, как я осталась совсем одна.

— А ваша сестра? Мачеха? Если мне не изменяет память.

— Я их уже не помню. Отец долгое время сходил с ума. Это длилось лет пятнадцать. Мачеха и моя сестра испугались его странного поведения. И просто-напросто сбежали от него подальше, чтобы Георг их не прибил. А у меня выхода не было. Я осталась здесь, до конца. И до его конца и до своего. — Тут девушка испуганно замерла и посмотрела, словно сквозь Гарри.

— Мистер Ренделл, уходите.

— Что?

— Сейчас же уходите, а лучше бегите. — Девушка смотрела на что-то позади Ренделла. И в этот момент мужчина ощутил чье-то дыхание за своей спиной. Тяжелое, отрывистое. Как тогда, в коридоре. Эта тварь вернулась вновь. И совсем не было времени на долгие рассуждения по поводу его природы. Да и детектив совсем забыл спросить об этой сущности. А может, это и вовсе плод его фантазии, что разыгралась после трагической гибели его родных. Но его сомнения отгоняло прочь дыхание, что омерзительным смрадом ударялось в затылок Гарри. Мужчину обуял безумнейший страх, когда нечто, похожее на когтистую лапу очень медленно опустилось ему на плечо.

— Сейчас же! — Оглушительно крикнула Маргарет, согнав своим криком лапу с плеча Гарри, и тот в мгновение ока, ринулся прочь из комнаты, распахнув входную дверь, что громко ударилась о стену. Вокруг было очень темно, и он ощущал сзади себя ужасающие звуки, что казались жужжанием огромной пчелы. Не роем пчел, одной, гигантской пчелы. Раздирающей своими крыльями воздух, как хищник рвущий когтями свою добычу. И она летела напрямик за мужчиной, чтобы впиться в его тело. Гарри бежал вновь по бесконечному коридору, обезумев от первобытного страха, в полном одиночестве, всё еще надеясь только на себя. Но ему казалось, что еще немного, и ноги его подведут, уронив на холодный пол холла третьего этажа. И он бежал, не оглядываясь назад, стараясь вспомнить хоть что-то, что могло дать ему надежду, или стимул бежать дальше. Мужчина резко остановился. И мужественно повернулся, смотря в лицо приближающейся смерти. В темноте было сложно что-либо разглядеть, окна были плотно зашторены и лишь редкие отблески лунного света, рассеянные до неуловимости взглядом, проникали в коридор. Гарри был готов смотреть в лицо смерти, был готов, наконец, увидеть свою семью, что оставила его в одиночестве. Силуэт, походивший на холм, надвигался прямо на мужчину, издавая жуткое жужжание, которое в мгновение ока прекратилось, стоило только твари приблизиться к детективу настолько близко, что их разделял буквально один шаг. Ренделл не видел его глаз, но он знал, что он смотрит, прямо на него, не отрываясь. Ожидая повода напасть и выпить его крови. Они просто молчали и смотрели друг на друга. Существо медленно наклонило свою голову к детективу, издав рокотание, доносящееся откуда-то из

паучьих жвал, что успел рассмотреть Гарри, прежде чем его сознание погрузилось во тьму.

Глава 8 Тени Нигредо

Он совершенно не знал места, в которое попал. Мужчина некоторое время ходил по каменной дорожке, поросшей мхом, пытаясь определить место, где он сейчас находился, но это ему все равно не удавалось. По телу едва заметно пробегали мурашки вместе с холодным потом, что усиливался с каждым шагом, сделанным Гарри.

Перед его лицом возникло старое, заброшенное колесо обозрения. Железная конструкция уже лишилась большей части краски и была покрыта медной ржавчиной. Один из вагончиков, что оторвался от колеса, подобно листу от дерева, перевернутый лежал у будки, на которой была надпись, которую он был не в силах прочитать, потому что он не знал этого языка. Будка была пуста, дверь из нее была неумело выбита. Трава вокруг была высотой до колена. Она царапала брюки детектива, издавая не очень приятные, шуршащие звуки.

Вот сейчас это точно не было похоже на сон. Все было более чем реально: трава, ветер, и темные тучи, подгоняемые этим ветром, заслоняющие солнце, которое и так практически не грело. Но теперь, когда оно было закрыто тучами, складывалось ощущение, что наступал сентябрьский холодный вечер, извергающий с небес мелкие дождевые капли.

Гарри нужно было срочно отсюда выбираться. Чувство тревожности не покидало его, даже когда мужчина направился прочь от колеса обозрения. Но, как оказалось, дальше его ждала лишь железная изгородь, что преграждала путь наружу. Расстояния между прутьями в ней были настолько малы, что в них не пролазил даже носок ботинка, а это значило, что перелезть будет очень проблематично. Гарри решил найти другой путь отсюда, ведь дождь усиливался, пропитывая водой его плащ насквозь. Тучи резко разверзлись, и из них вырвался ослепляющий меч молнии, ударивший прямо в верхушку колеса, издав спустя мгновение оглушительный треск. Мужчина закрыл уши руками и, оглушенный, упал на сырую землю, споткнувшись о булыжник, что в момент сделал дырку в его туфле. Оказавшись внизу, Гарри понял, что вся земля усеяна дождевыми червями, которые ползали буквально друг по другу, сплетаясь в невероятных позах, подобно миниатюрным змеям. Ренделл резко вскочил и принялся стряхивать с себя раздавленных червей. Рвота подошла к его горлу, когда он понял, что черви уже заползли в его туфли. От них несло сыростью, плесенью и серой. И запах буквально врезался в нос, заполняя пазухи. Мужчина тут же бросился бежать прочь. Земля под его ногами стала вибрировать, и дождь все никак не прекращался, он лил с каждой секундой все сильнее и сильнее. С другой стороны изгороди уже не было, там располагалась карусель, на четверть, состоявшая из вздувшейся древесины. Большая часть конструкции была сломана. Очевидно, какими-то вандалами. Немного дальше располагались еще аттракционы. Место напоминало заброшенный парк аттракционов, что построили на средства из городского бюджета в каком-нибудь небольшом городке. Дешево, недолговечно, опасно. Вибрация под его ногами усиливалась, словно из земли хотело выбраться нечто огромное и страшное. Так и оказалось. Земной покров треснул, прямо в паре метров от Гарри и из земли стал вылезать червь гигантских размеров. С этого ракурса на него было смотреть еще отвратительнее — когда он маленький, невозможно невооруженным взглядом заметить его зубы, через которые проходят крупные частицы земли. Но, судя по этому червю, его не особо привлекает земля и то, что в ней находится. Ему гораздо симпатичнее было человеческое мясо, что в панике бежало прочь, обронив свою шляпу. Гарри рыскал по карманам в поисках пистолета, но все было безрезультатно. Червь передвигался не особо быстро, но из-за его габаритов, которые, к слову, были как половина колеса обозрения, резво настигал детектива, вязнувшего туфлями в мокрой земле. А молнии все били и били в колесо, освещая силуэт червя. Ренделл мчался, как только мог, не видя ничего вокруг, пока его не остановила толпа людей. Одеты они были в

странные черные балахоны, капюшоны которых закрывали их лица. Они силой остановили детектива и повернули его лицом к червю, швырнув его вперед. Червь остановился и склонил свою голову над мужчиной, который уже был рад тому, что он в безысходной ситуации. Но что-то пошло не так, после того, как монстр повернул голову в сторону людей в капюшонах. Один из них заговорил. Это была девушка. Судя по голосу — совсем молодая.

— Он говорит, что еще не время. И, что ему безумно нравится смотреть, как ты мучаешься, Франциск. Ты ведь этого хотел? Ты ведь хотел делать добро. А, как известно, добро люди не ценят.

Гарри не понимал, о чем она говорит. Все вокруг ему напоминало сон. Этот червь невербально говорил с ней, а она выступала в качестве переводчика.

— Кто ты? — Выдавил из себя обессиленный мужчина.

— Тебе не нужно знать кто я. Какой в этом смысл? Я расскажу тебе, когда все будет готово. И ты просто будешь смотреть на все, что я сотворю, не имея возможности помочь тем, против кого я восстану. Я ждал тебя так долго. Именно тебя. И пока ты слабеешь, я становлюсь сильнее. Но осталось совсем чуть-чуть. — Изрек переводчик. После чего червь вновь склонился над мужчиной, издав дикий визг, разносившийся за десятки километров от эпицентра. Гарри схватился за уши, чтобы хоть как-то защитить свои перепонки. Он закрыл глаза, скорчившись на земле. Это был лишь сон. Санфорд был прав в том, что мозг Гарри буквально трансформируется. Но что, если он просто слабеет? Его сознание, сила духа. И оболочка, которая держала его от самоубийства, вот-вот рухнет? И это самое Нигредо уже здесь. Его тени пробираются сквозь непробиваемую, как казалось детективу, оболочку, превращая его жизнь в сущий ад, пожирая жизненные силы кошмарами и видениями, что меняют свои формы, места. Самое страшное, что уже не понятно — где кончается реальность и начинается сон, наполненный символами смерти. Была ли Маргарет на самом деле? Или это тоже тень, созданная сознанием, пораженным Нигредо? Существует ли этот червь и та огромная пчела или муха — не известно. Что может быть хуже осознания того, что ты сойдешь с ума? Совсем скоро.

Глава 9 Мать

Его раздражали хлопки по лицу. Сложно было разобрать, кто это делает, но единственное, что приходило на ум — желание резко вскочить, да надавать по морде тому, кто это делает. Найдя в себе силы, Гарри открыл глаза. Перед детективом стоял хозяин особняка и испуганно осматривал мужчину. В его глазах читался страх, чувство вины, смешанные с какой-то чистой искренностью.

— Хорошо, что вы очнулись. Я очень переживал, что не увижу вас в живых!

Гарри огляделся и понял, что он лежит прямо посреди бального зала, на холодном полу. Тело все жутко ныло, в особенности спина. Складывалось ощущение, будто сломанный позвоночник за ночь сросся, причем неправильно, отчего чувствовалась адская боль. Также горело плечо, как при ожоге. Холодный и твердый пол, выбранный неадекватным организмом Гарри в качестве кровати, сыграл с ним злую шутку. Мужчина попытался подняться с пола, но его свалила назад резкая боль в спине. Альфред тяжело вздохнул и протянул руку Ренделлу. Воцарилось неловкое молчание, детектив рассматривал руку, протянутую ему на помощь. Он не понимал, что происходит в его же голове. Но все, что творилось вокруг, стало накладываться грубым отпечатком на его душу, заменяя материал в эмоциональном барьере.

Словно серебристый, чистый и легкий купол, отполированный почти до блеска, стал медленно превращаться в чугунный.

Взяв свою волю в кулак, детектив протянул свою руку, и с помощью графа поднялся с пола.

— Спасибо большое, я в порядке. — Спокойным голосом произнес Ренделл.

— Что с вами случилось? И почему вы спали здесь? — Обеспокоенный тон графа сменился спокойным, даже, холодным. Очевидно, мужчина уловил ту тонкую грань в настроении Гарри и решил попусту не тратить свое время на любезности.

— Мне всего лишь приснился кошмар. Ничего больше.

— Ну, раз так, детектив. Я бы хотел с вами поговорить.

Гарри удивленно посмотрел прямо в глаза графу. Он явно волновался, все же его свобода отчасти зависела от Ренделла, ведь тот просто мог отправить его в тюрьму. Если, конечно, на то будут причины.

— Так вот. Вам удалось что-нибудь выяснить? Просто вы здесь находитесь уже довольно долго по моим меркам. Я понимаю, что вы представитель закона. Но я, как человек немного другого воспитания, безумно ценю свою приватность. Поэтому, я вам сейчас дам все, что требуется. Все показания, все что нужно. И, надеюсь, что через два дня, сразу после бала, мы с вами навсегда разойдемся, забыв эту неприятную историю, детектив. — Закончив свою речь, граф дрожащими руками достал из портсигара сигарету и закурил, чиркнув спичкой о коробок.

— Честно вам признаюсь, мистер Кобб. Я сам больше не в состоянии здесь находиться. Да и вам сразу стоило все мне показать, чтобы я не бегал по всему дому и не кричал что я детектив и мне нужны показания.

— Я был слишком занят подготовкой к торжеству. Моему сыну будет десять лет. И я бы хотел, чтобы вы присутствовали на этом празднике.

— Буквально секунду назад вы меня прогоняли, а теперь зовете меня на бал? Странно это как-то. — Ехидная улыбочка детектива сконфузила графа еще сильнее.

— Это проявление вежливости и уважения. А также это требование и сразу же плата за гостеприимство. — Кобб сделал еще одну затяжку. Комната стала медленно наполняться едким, как туман, табачным дымом.

— Тогда окажите мне честь и проводите меня до библиотеки. И я буду не против, если вы угостите меня сигаретой.

— Да, конечно. — Альфред протянул ему сигарету и коробок спичек.

В данный момент в голове Ренделла крутился только вопрос о книге, про которую ему рассказала Маргарет. Черная, кожаная обложка. Без названия или еще чего-то, что могло бы ее выделить на фоне остальных в довольно большой библиотеке.

— Мистер Ренделл?

— Да?

— У вас есть подозреваемые помимо меня? — В голосе графа ощущалось нечто, что

напоминало ноту в голосе провинившегося ребенка, не отрицающего своей вины.

— Тут не все так просто. Даже если во всем виноваты вы, то знайте, что ваши люди вас не хотят выдавать. Они все вокруг склоняются к мнению, что во всем виновата мистика. Но мое руководство так не считает. Если бы здесь действительно была замешана мистика, а мы бы жили во времена средневековья, то, пожалуй, вместо меня сейчас вы бы общались со священником или экзорцистом. — Гарри выдержал небольшую паузу. — Или со святой инквизицией. И не общались, а горели на костре. Вы, кстати, к их помощи не прибегали? Раз уж на то пошло.

— Я не верующий...относительно.

— Это как?

— Я потерял веру, как только стал здесь жить. Не мог понять, что происходит вокруг меня. Меня часто мучали кошмары. Жуткие, неприятные. И я склонялся к тому, что это все из-за того, что вокруг меня сменилась обстановка, что я оказался в новом доме. Но как оказалось, дело не в этом.

— А в чем? — Детектив потер свои уставшие глаза, и кусочек пепла упал на тыльную сторону ладони второй руки. Ренделл издал раздраженное шипение.

— В библиотеке есть пепельница. Да, не самое лучшее место для курения, но все же я люблю проводить там время иногда.

— А что вы там делаете?

— Пишу свою книгу. Да, бывает такое, что неожиданно понимаешь, что в тебе просыпается талант. Может, это самонадеянно звучит, но я правда так считаю.

— И что вы пишете? Любовный роман? — Детектив издал нервный смешок. Граф остановился, задумавшись и сделал очередную затяжку.

— Скорее автобиографию.

Они вошли в библиотеку. С краю комнаты располагался удобный журнальный столик с настенным зеркалом и двумя креслами. Когда они усаживались в кресла, Гарри посмотрел на свое отражение и заметил деталь, которая в нем изменилась. Его плечо было подрано. Причем, в том самом месте, которого коснулась когтистая лапа прошлым днем.

— И вам есть, что поведать в ней? Чтобы люди по всему миру узнали о вашей жизни? — Гарри сел на кресло и посмотрел прямо в глаза графу.

«Неужели, это все была правда. Значит, и Маргарет тоже была».

В его голове выстроилась цепочка фактов, которая могла бы окончательно все вытрясти из Кобба. — Вы напишете о своей жене?

— Конечно. Она сыграла важную роль в моей жизни.

— Да и вы тоже сыграли весьма значительную роль в ее. — Лицо у Ренделла было каменным, не выказывающим никаких эмоций.

— Что вы имеете в виду? — Взгляд графа забежал по комнате, стараясь не встречаться с глазами Гарри.

— Вы же не любили свою жену. Зачем вы мне сейчас лжете? Какие из ваших слов правда, Альфред?

— Почему вы делаете подобные выводы? — Эмоциональный фон Альфреда стал переключаться на агрессию. Его скулы напряглись, и на лбу выступила вена.

— Просто начните говорить правду, или это начну делать за вас я.

— Ладно. — Кобб тяжело вздохнул и посмотрел прямо в глаза Гарри. — Я и впрямь не любил ее. Отец настоял на том, чтобы я женился на ней, завел семью, обрел титул. Словно, жизнь принадлежит не мне, а моему богатому отцу. Да и как женщина она не оправдала моих ожиданий. Стервозная, резкая, распутная.

— И по этой причине ты изнасиловал служанку? Назло отцу?

— Я никого не насиловал! Если такие слухи ходят, это еще не значит, что это правда. В этом доме все любят что-нибудь говорить. И это ничего не значит.

— Откуда у вас ребенок, Альфред? Не от Маргарет ведь, да? Он светловолосый. А что ты, что была твоя жена — оба брюнеты. А служанка ваша — блондинка. — Гарри буквально сверлил его взглядом.

— Меня обвиняли в изнасиловании. И очень долго. Если бы все пошло в массы, у меня бы начались проблемы, и все покатило бы к чертям. Она утверждала, что это мой сын. Плакала мне в плечо, просила его воспитать. Угрожала оглаской. А Маргарет, не выдержав этого потока сумасшествия, повесилась.

— Звучит не убедительно. — Ренделл покачал головой. — Уже подозреваю, что служанка откроет мне новые грани вашей личности, Альфред. Но учтите, если с ней что-нибудь случится, я вызову сюда людей. Они и так сюда явятся, если перестану выходить с ними на связь. Дайте мне немного времени, и я узнаю, что скрывается за вашей маской.

— Тогда удачи, Франциск. — Кобб поднялся со своего места и удалился из библиотеки, оставив Гарри наедине с собой. Последняя фраза, оброненная графом сильно задела мужчину. Редко, кто называл его вторым именем. Родители Гарри были глубоко верующими людьми и всегда учили жить ребенка по принципу священнослужителей. Очевидно, в тайной надежде, что мальчика когда-нибудь причислят к лику святых. Больше никак Гарри не мог найти объяснение тому, что ему дали весьма специфическое второе имя.

Дождавшись, когда стук каблуков Кобба за дверью стихнет, Ренделл встал со своего места и отправился блуждать между книжных полок. Разгадка была так близка, что от этого мужчина ощущал в себе резкий эмоциональный подъем, который он использовал в поисках дневника. Окинув взглядом библиотеку, Гарри понял, что здесь книг минимум на три часа поисков. Но дело уже требовало сдвинуться с мертвой точки. Мужчина ходил вдоль полок, проводя легонько пальцем по корешкам книг.

«Нет, я так застряну здесь навечно».

С этой мыслью мужчина стал проводить пальцем сразу по рядам. Пыль, собираясь комочками, падала на ковер. Словно хвост ракеты, которая оставила за собой дымовой шлейф вдоль

корешков книг.

— Ага...

Гарри дошел до «Х» в своих поисках и обнаружил интересную вещь — все книги в библиотеке стояли максимально плотно друг к другу, образуя книжную стену. Но в разделе «Икс» не хватало одной книги, отчего конструкция прилично пошатнулась.

«Значит, книга не здесь. Черт возьми! Надеюсь, что я просто сошел с ума, и сейчас просто ведомый своими галлюцинациями творю что-то неадекватное».

— Мистер Ренделл? — Послышался позади детектива голос. Когда Гарри обернулся, он обнаружил, что в комнате не один. На него смотрел с непонимающим взглядом дворецкий Лукас. — Что вы здесь делаете?

— Ваш хозяин мне позволил полюбоваться его коллекцией книг.

Лукас понимающе кивнул.

— Простите меня, но вы не замечали никаких странностей в поведении вашего хозяина? Возможно, у него были какие-либо проблемы? Как я понимаю, он скрытный человек.

— По секрету вам скажу, с ним я мало общаюсь. Ничего вам сказать не могу.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Ну, раз так, — Гарри издал тихий стон, — вы не проводите меня до его служанки? Я бы хотел бы еще ее поспрашивать.

— Да что у нее спрашивать, наглая девчонка. Кэтрин пользуется добротой хозяина как может. Ведьма — не иначе. — На лице дворецкого читалось отвращение и чопорность. Уже не молодой мужчина во фраке с крупной залысиной на затылке. Он всем своим видом показывал то ли свою преданность хозяину, то ли просто личную неприязнь к молодой женщине.

— Ну, пройдемте. Она на кухне. Во всяком случае, должна быть там. Бал уже завтра, потому работы очень много и я искренне надеюсь, что она сейчас где-нибудь не прохлаждается.

Кухня располагалась на первом этаже, совсем рядом с трапезной. Неприметная сосновая дверь, за которой находился спуск в подвальное помещение на четыре метра вниз. Далее шла развилка в две стороны — слева хранилось вино, а справа — находились кухни. Еще не успев войти в помещение, Гарри ощутил вкусный запах свежей пищи и неприятный шум, раздававшийся оттуда. В основном, это была брань, звуки воды и ножа, режущего на деревянной доске. Кухня в особняке белая и чистая. Повара ходят в белоснежной форме. Хотя, почему ходят. Они буквально бегали по цехам. Среди всего балагана, что происходил вокруг, среди белого энергетического клубка выделялась девушка. Она была в скромненьком сером платье. Ее длинные белокурые волосы были заплетены в толстую косу. Служанка стояла у стойки с посудой и протирала ее полотенцем. В ней Гарри узнал ту самую девушку, которая была в тот самый день, когда произошло убийство парня в трапезной. Сомнений больше не оставалось — в тот день это был не сон, ведь он никогда ее не видел до этого. А это значит, что и убийство было реальным. У него буквально под носом убили невинного парня и убедили в том, что это он сам виноват. Все это напоминало тягучую трясину, из которой спасительной

веточкой могла стать только полная разгадка этой тайны, которая уже разъела мозг детектива как минимум на треть.

Когда мужчина подходил к ней, чтобы задать пару вопросов, от волнения зачесались ладони. Девушка еле стояла на ногах. Казалось, что малейший порыв ветра мог бы сбить ее с ног. От нее веяло слабостью и усталостью, что кружили над ней сероватым облаком, напоминающим туман, пробирающийся в легкие и душащий своей тошнотворностью. Гарри робко окликнул девушку, и та, от неожиданности, уронила белую тарелку на пол. Тарелка со звоном разбилась, разбросав свои осколки по всей кухне.

— Ох, простите меня, я не хотел вас пугать. — Испуганный Гарри принялся собирать осколки по полу. Когда все осколки были собраны и убраны в урну, девушка попыталась уйти прочь, но Ренделл ее остановил. — Погодите, мне нужно с вами поговорить, по поводу графа.

После этих слов кухня затихла. Любопытные повара остановили работу, чтобы послушать любопытное интервью, которое бы породило за собой несколько месяцев не утихающих разговоров. Все внимание кухни было сосредоточено только на этих двоих.

— Да, мистер Ренделл? — Ее голос звучал тихо и беспомощно. Она смотрела прямо в глаза своему собеседнику.

— Пройдемте со мной, не хочу, чтобы были лишние уши.

Девушка смиренно направилась за детективом под язвительные взгляды поваров, которые уже в голове придумали себе несколько вариантов развития событий, которые и будут обсуждать. Служанка и детектив поднялись по ступенькам, и вышли из помещения. До них еле слышно доносились звуки музыки, которую играли музыканты в большом зале. Девушка стояла, скрестив беспомощно руки на фартуке, опустив глаза. Ее розовые губы слегка подрагивали от страха и смутнения. Которые, казалось, мучали ее, с самого начала дня.

— С вами все в порядке? — Обеспокоенный детектив осмотрел девушку и приложил тыльную сторону ладони к ее лбу.

— Я чувствую себя не очень хорошо. — На одном дыхании произнесла Кэтрин.

— Простите меня, за то, что я вас напугал. Мне сейчас придется поднять не самую приятную для вас тему. Пройдемте лучше ко мне, там нас уж точно не услышат.

Немного сомневаясь, девушка все же дала свое согласие, и они на этот раз направились на третий этаж. Когда служанка оказалась в комнате, она постаралась поскорее дойти до кресла и села туда, казалось бы, полностью обессиленная. Гарри достал свой микрофон и включил его.

— Кэтрин, расскажите мне все, что вы знаете. О зверствах, происходящих вокруг, вас, меня и остальных людей, что здесь живут.

— Я ничего не знаю. Я всего лишь служанка. Самый малозначительный человек в этом доме.

— Но не в этой истории. — Гарри внимательно смотрел на нее. Губы Кэтрин сильнее затряслись от волнения. Она изо всех сил старалась держаться, чтобы не расплакаться. — Пожалуйста, расскажи, все, что ты знаешь.

— Я же говорю, я ничего не знаю. — Слезы все же рванули из ее глаз.

— Да вы запуганы, бедная. — Гарри подошел к ней поближе и взял ее за руку. Рука была холодной, худенькой и бледной. Голубые глаза девушки блестели от слез. Но она уже слегка успокоилась.

— Кто вас так запугал? — Гарри крепче сжал ее руку. — Обещаю, что дам вам полную защиту, если вы мне поможете. Если вы все мне расскажете.

— Я... — Она еле подавляла в себе самые смешанные чувства, переливающиеся в ее душе различными цветами. — Меня здесь совсем не любят, я отшельник в этом доме. Особенно после истории с графом. Наверняка, вы про нее уже знаете. Так что смысла нет скрывать. — Она задержала дыхание, чтобы хоть немного успокоиться.

— О вашем сыне, вы имеете в виду?

Девушка замерла. Казалось, что в эту минуту в ней остановилось все — кровь перестала течь по венам, сердце замерло, дыхание резко остановилось.

— Значит, я попал в точку. А теперь, расскажите мне о вашем хозяине. Учтите, что я распознаю вашу ложь. И при этом не забывайте о моей защите.

— Я хотела забыть об этом, как о страшном сне. Но прошло уже столько лет, что я смирилась с тем, что мне придется вечность коротать здесь. В этом чертовом доме. Я помогу вам, если вы поможете мне.

Гарри нахмурил брови, как бы говоря, что он полностью перенес внимание на слова девушки.

— Я расскажу вам то, что знаю. — Она перешла на шепот. — Если вы поможете мне выкрасть сына. — Ее слезы прекратились, голос стал спокойным и размеренным.

— Вы с ума сошли?!

— Таковы мои условия.

Гарри задумался. Раз он влез в эту пучину лжи и коварства, придется идти на поводу у судьбы.

— Но как я буду предоставлять охрану девушке, которая выкрала ребенка у графа?

— Это мой ребенок! Он буквально выкрал его у меня, чтобы замять скандал. Альфред хотел с ним разделаться, пока Фил был еще совсем маленьким. Но, может, в нем проснулось сострадание, и он решил просто оставить его себе. Просто забрать.

— В таком случае, если ваши слова — правда, я согласен помочь вам.

— Меня долгие годы мучали жуткие кошмары. Я словно видела судьбы людей, которые находились за тысячи миль от меня. С самого детства. Стоило посмотреть на человека, чтобы понять, что он из себя представляет. Я видела всех людей буквально насквозь. По этой причине я сторонилась и до сих пор сторонюсь большинства живущих в этом доме людей. С появлением в этом доме Альфреда ничего не изменилось. Он был тих и мил со всеми, и я не видела в нем агрессии, пока не капнула чуть глубже. В нем стала открываться корысть, скрытность, которую он завуалировал мнимой общительностью, любезностью и гостеприимностью. Весьма странный человек, я никогда не видела никого, более закрытого, чем Кобб. По дому ходит очень много весьма странных личностей. Тот же дворецкий — ненавидит меня, только потому, что я рассекретила его странные наклонности. — Девушка

подняла взгляд на детектива. — Наш дворецкий очень любит маленьких детей, если ты понимаешь, о чем я. Потому я долго билась, чтобы Фил с ним не пересекался никоим образом.

— Это, безусловно, ценная информация, но мы сейчас говорим о графе.

— Да, простите меня за лирическое отступление. Граф был ко мне очень ласков, хорошо со мной обращался. Видя это, у его жены стала развиваться паранойя. Она вечно преследовала его по дому, чтобы застукать нас вместе. Но этого не могло случиться, ибо я была против подобного проявления желаний к своему хозяину. Да и он сам не особо горел желанием быть со мной в близости. До какого-то времени. В его ауре что-то изменилось спустя пару месяцев, как он появился в доме. Его скрытность переметнулась в нечто другое, переросла в какую-то агрессию. Он стал редко появляться в особняке. А если и появлялся, то он закрывался в кабинете и сидел там целыми днями, черкая в какой-то странной книге. Потом, еще через месяц его переключило, и он ворвался ко мне поздно ночью, закрыл мне рот руками и сделал то, чего я так не желала. Отвратительная история. Вспоминать просто неприятно, ведь с того момента, а вернее, с момента огласки я перестала окончательно уважать себя, да и в доме меня еще сильнее стали ненавидеть. У всех появился способ отомстить всевидящей и всезнающей девчонке. А графиня, узнав о моей беременности, повесилась, оставив весь дом на этого зверя.

— Кто совершил то убийство, пару дней назад? Я видел вас в трапезной.

Выдержав недолгую паузу, девушка посмотрела на свою руку, которую держал детектив. — Я выполнила свою часть уговора, теперь дело за вами. Завтра будет бал. Единственный день, когда сына будет проще всего увести от этого урода, ведь там будет столько людей, что углядеть за ним будет почти невозможно. От вас требуется только отвлечь Альфреда. Когда поднимется суматоха, мы выведем его подальше отсюда.

— Вы не ответили на мой вопрос, Кэтрин.

— Неужели вам не хватает всего того, что вы увидели и услышали? Все это дерьмо было совершено моим насильником и отцом моего ребенка, Альфредом Коббом. И как только мы уедем отсюда, я лично вместе с вами вернусь за тем, чтобы посадить его в тюрьму. Если вам недостаточно моих слов, зайдите в его кабинет, когда его не будет на месте, и прочтите дневник.

На этих словах девушка встала и вышла из спальни Гарри, оставив его одного в смешанных чувствах. Еще минуту мужчина сидел в полной тишине, слыша только собственное тяжелое дыхание и только после этого, его пальцы смогли дотянуться до диктофона, чтобы нажать кнопку «Стоп».